

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ МИГРАНТОВ	8
1.1. Особенности русскоязычной миграции	8
1.2. Понятие социальной адаптации мигрантов	13
1.3. Стратегии адаптации русскоязычных мигрантов.....	25
1.4. Особенности переселения русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана	33
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	39
ГЛАВА 2 ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА И УКРАИНЫ	41
2.1. Организация и методики исследования	41
2.2. Анализ результатов эмпирического исследования социальной адаптации русскоязычных мигрантов.....	45
2.3. Методические рекомендации специалистам, работающими с русскоязычными мигрантами из Украины и Кыргызстана	59
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	61
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	68
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	71

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы социальной адаптации стоят сегодня достаточно остро. Все убыстряющий темп изменений (политических, экономических, культурных, социальных и т.д.) требует от индивида совершенного владения стратегиями адаптации. В свою очередь, динамика развития общества сегодня такова, что миграционные процессы получают все более широкое значение с каждым днем во всем мире и, в частности, в России. Таким образом, необходимость изучения особенностей адаптации мигрантов достаточно очевидна.

В последнее время крупные геополитические изменения, военно-политические столкновения, социально-экономические кризисы, этнические конфликты привели к значительному росту беженцев и вынужденных мигрантов во многих регионах мира.

Затронули эти процессы и бывший Советский Союз. После его распада 25 млн. русских, считавших себя гражданами единого государства, имевших равные права и свободно перемещавшихся в его пределах, оказались оторванными от основной массы своего этноса и помимо своей воли, «в одночасье», превратились в «иностранцев», «этническое меньшинство».

Принятые во вновь образованных, суверенных и независимых, государствах законы о гражданстве, государственном языке, миграции, как правило, ущемляют права и интересы населения нетитульных национальностей этих государств. Явные или скрытые формы дискриминации русских при приеме на работу, приобретении и продаже жилья, в приватизационной и предпринимательской деятельности, отсутствие перспектив в получении образования на родном языке, ограничение информационных каналов связи с Россией, исламизация образа жизни в ряде среднеазиатских государств - все это существенно ограничивает возможности оставаться русским в этой среде и при этом не людьми второго сорта, а полноправными гражданами данной страны. Все это является мощным прессингом, «выдавливающим» русских из этих государств.

Ежегодно огромные потоки соотечественников устремляются на историческую Родину. В настоящее время в России количество вынужденных переселенцев составляет порядка 8 млн. человек (Графова).

Переселение в Россию в столь значительных масштабах порождает множество проблем, связанных не только с жильем, трудоустройством, акклиматизацией, но и с социально-психологической адаптацией иммигрантов пусть не в иноэтничной, но в новой и во многом непривычной для них социокультурной среде. В связи с этим анализ процесса социально-психологической адаптации вынужденных переселенцев, представляет несомненный научный и практический интерес.

Несмотря на то, что продолжительность изучения вынужденной миграции небольшая, как и самого изучаемого феномена (вынужденная миграция из постсоветских республик насчитывает всего 10 лет), данная тема активно разрабатывается многими научными коллективами. За этот период появились многочисленные исторические, политические, демографические и этносоциологические исследования, раскрывающие различные аспекты вынужденной миграции: социально-политическое положение русских в новых независимых государствах, причины и мотивы их массового исхода из этих государств, масштабы потенциальной и реальной миграции, ее последствий, как для государств исхода, так и для принимающих территорий РФ.

Понятие миграция разрабатывалось В. А. Ионцевым, С. А. Панариным, Л. Л. Рыбаковским, А. У. Хомрой и др. Проблеме адаптации различных категорий мигрантов посвящены работы В. В. Гриценко, М. А. Ивановой, И. С. Сапожниковой; социальная и социокультурная адаптация мигрантов изучалась Ю. С. Барышевой, Л. Т. Мазитовой, И. А. Жуковой.

Однако социально-психологических исследований, специально посвященных проблемам адаптации и интеграции вынужденных переселенцев соотечественников в российское общество, очень мало, и, в основном, они отражают отдельные стороны процесса адаптации переселенцев и беженцев к новым условиям жизни в России (Н.М.Лебедева, Г.У.Солдатова,

Е.И.Шлягина, И.В.Бардина, Л.А.Шайгерова, А.Б.Щербакова, Н.М.Швалева, Н.С.Макоева, Г.У.Солдатова, П.А.Черкасов, Л.А.Шайгерова).

Проблема исследования: каковы особенности социальной адаптации русскоязычных мигрантов из Кыргызстана и Украины.

Цель исследования: выявление особенностей социальной адаптации русскоязычных мигрантов из Кыргызстана и Украины.

Объект исследования: социальная адаптация.

Предмет исследования: особенности социальной адаптации русскоязычных мигрантов из Кыргызстана и Украины

Гипотеза исследования: Мы предполагаем, что существуют различия социальной адаптации русскоязычных мигрантов из Кыргызстана и Украины.

Для достижения поставленной цели и подтверждения гипотезы исследования были намечены следующие **задачи исследования:**

1. Изучить особенности русскоязычной миграции в литературных источниках.
2. Провести анализ проблемы социальной адаптации мигрантов в литературных источниках.
3. Рассмотреть основные стратегии адаптации русскоязычных мигрантов
4. Эмпирическим путем выявить и описать особенности социальной адаптации русскоязычных мигрантов из республик Кыргызстан и Украина.
5. Разработать методические рекомендации по обеспечению социальной адаптации русскоязычных мигрантов из Кыргызстана и Украины

Теоретико-методологической основой исследования являются теоретические положения отечественных и зарубежных психологов:

– субъектно-деятельностный подход к изучению социально - психологических явлений (Б.Г.Ананьев, К.А.Абульханова-Славская, Б.Ф.Ломов и др.);

– системный подход к исследованию социальной адаптации (А.В.Карпов, Б.Ф.Ломов, В.Д.Шадриков);

– исследования проблем адаптации мигрантов к иной этно- и социокультурной среде, изменения их идентичности (Н.М. Лебедева, В.В. Гриценко, Н.Л. Иванова, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, В.Н. Павленко, и др.).

Методы исследования:

1) теоретические: анализ, сравнение и обобщение научной литературы по проблеме исследования;

2) эмпирические: анкетирование, тестирование.

Методики исследования:

- методика адаптации личности к новой социокультурной среде А.В. Янковского

- методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана (модификация В.В. Бойко)

- анкета «Социальное благополучие» Мельниковой Н.Н.

3) методы математической статистики: метод парных сравнений U-критерий Манна-Уитни.

База исследования: исследование проводилось на базе отдела по вопросам миграции отдела полиции №12 межмуниципального управления МВД России «Красноярское».

В исследовании принимали участие 40 мигрантов из стран СНГ, находящиеся в России 1 год, из них 20 мигрантов из Кыргызстана, 20 мигрантов из Украины.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении представлений о социальной адаптации русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана. В ходе изучения проблемы выделены психологические особенности русскоязычных мигрантов как социальной группы.

Практическая значимость. Полученные результаты исследования могут быть использованы по следующим направлениям: при разработке комплексных социальных и социально-психологических программ по работе

с русскоязычными мигрантами. Результаты работы могут быть использованы для создания конкретных рекомендаций социальным работникам, психологам, оказывающим психологическую помощь русскоязычным мигрантам в целях профилактики дезадаптации. Данные, полученные в работе, могут быть использованы в системе высшего профессионального образования для студентов-психологов и специалистов по социальной работе.

Структура работы: магистерская диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ МИГРАНТОВ

1.1. Особенности русскоязычной миграции

Миграция — это естественный процесс, происходящий всегда и везде, независимо от типа государства и исторических условий.

Миграция в самом общем виде - это «процесс изменения постоянного места проживания индивидов или социальных групп, выражающийся в перемещении в другой регион, географический район или другую страну». В данной работе миграция будет рассматриваться как перемещение определенных социальных групп, а не отдельных индивидов.

«Вся мировая практика и история цивилизаций подтверждают, что любое государство... должно выработать и проводить такую политику, которая наиболее выгодна для развития этого государства, а значит, и отдельных его граждан; политику, обеспечивающую рациональное размещение населения на своей территории, экономический рост, национальную безопасность и территориальную целостность».

Распад СССР самым трагическим образом отразился на судьбе русских. Миллионы соотечественников оказались за пределами России. Русский народ стал разделенной нацией. Та часть русских, которая осталась за пределами России, приобрела статус нацменьшинств, в Латвии и Эстонии — лиц без гражданства (апатриды).

Выталкивающими факторами в бывших советских республиках явились процессы «национализации» кадров, системы образования и СМИ, сокращения числа русскоязычных школ и детских дошкольных учреждений, принятие Законов о гражданстве, языке. Одновременно с выталкивающими факторами заметное влияние оказывают и факторы притяжения, ведь «несмотря на глубокий экономический кризис в России, ее экономическое положение было намного устойчивее, чем в бывших республиках, падение производства и уровень безработицы - ниже, а уровень отдельных видов

социальной защиты (пенсионное обеспечение, образование) — выше, чем в других республиках».

Кроме того, нужно учитывать, что после распада СССР Россия выступила правопреемницей Советского Союза, а, следовательно, должна была, по мнению потенциальных мигрантов, выступить убежищем для всех русских, оставшихся за пределами России [25].

В XX веке одним из самых подвижных этносов в мире (а в России самым подвижным) были русские. Большую роль здесь сыграла политика государства (например, система распределения специалистов). Но нужно отметить существенную деталь: русские в своих межрегиональных перемещениях как бы не покидали территорию России. Ведь государственным языком был русский, столицей — Москва, а культура и традиции были «советскими». Ведь русские диаспоры в бывших советских республиках достаточно быстро утратили свое влияние, «сдали позиции», хотя многие диаспоры в мире оказываются чрезвычайно устойчивыми, несмотря на существенное инонациональное давление (например, китайские, еврейские, армянские).

А ведь большая часть русских считали и считают эти государства своей Родиной. Потеряв ее, они, по сути, превращаются в людей без Родины. Многие русские воспринимают такое положение как тяжелую социально-психологическую травму. Около половины русских нового зарубежья родились в этих местах. Именно здесь они чувствуют свой дом, привычный уклад жизни, свою ментальность. Длительный опыт проживания в специфических условиях приводит к культурной ассимиляции - усвоению местных нравов, обычаев, бытовых привычек. В силу этого, оказавшись после переезда в новых условиях, переселенцы испытывают, своего рода, «микрокультурный шок» при попадании в новую микросреду и реакцию отторжения «чужаков» у местного населения. Поэтому возвращение русских на историческую родину у большинства из них вызывает не только трудности экономического порядка, но и коренную ломку устоявшихся ценностей.

Исходя из вышеизложенного, специфика русскоязычной миграции из стран ближнего зарубежья состоит в том, что мигрант - это многоаспектное понятие, включающее в себя:

- изменение статуса,
- изменение экономического положения,
- изменение мировоззрения, вследствие вертикальной мобильности,
- изменение места жительства,
- изменение национальной самоидентификации (от соотнесения себя с категорией «советский народ», к соотнесению себя с категорией «россиянин»),
- ломку старых стереотипов и ценностей.

На государственном уровне поднимается вопрос о так называемой бесстатусности мигрантов. У людей нет чувства принадлежности, чувства позиции, статуса своего и своей группы в обществе.

Таким образом, ситуация неопределенности, неизбежная при любой миграции, усугубляется своеобразием русскоязычной миграции. Страны так называемого ближнего зарубежья - это части некогда единой страны, так что русскоязычные мигранты из этих стран могут рассматриваться как люди, стремящиеся на Родину, сузившуюся от размеров СССР до пределов Российской Федерации [31].

Мощные социальные сдвиги и потрясения нашего времени на уровне личности как члена социальных групп привели к переживанию состояния, которое может быть обозначено как «кризис социальной идентичности».

Главным признаком этого состояния является утрата позитивного восприятия своей групповой принадлежности (этнической или гражданской) [15].

Основными показателями этого кризиса явились:

- Резкий рост (или резкое снижение) «этнической» компоненты социальной идентичности;

- Переживание негативных чувств, связанных с этнической принадлежностью (стыд, вина, обида, ущемленность, униженность);
- Неудовлетворенность гражданской принадлежностью (или отсутствием гражданства);
- Негативная или сверхпозитивная («защитная») этническая идентичность;
- Этническая интолерантность по отношению к «титульному» этносу;
- Социально-перцептивное «отдаление» от России или республики проживания (утрата «чувства родины»);
- Общее восприятие ситуации в негативном свете (неприятие «низкого» статуса, ущемление прав и др.);
- Активизация психологических механизмов «отдаления» культурной дистанции с «титульным» этносом;
- Неудовлетворенность осуществлением смысла жизни.

Высшая коллективная солидарность (по данным исследований) - символическая общность «мы - советский народ» и идентичность «я — советский человек», называемая Ю.Левадой суперэтнической категорией, была видоизмененной или превращенной формой, синтезирующей идею государственности и национальной идентичности («семья народов»). Она подавляла и заменяла в прошлом остальные социально-групповые идентичности, прежде всего этнические. В настоящее время заметна тенденция «угасания» чувства близости с советским народом у молодого поколения и «нарастания» его у представителей среднего и старшего поколения[14].

По данным исследований, размытость критериев вызывает трудности группового самоопределения, поэтому проще определить то, кем и чем ты и подобные тебе не являются. Люди скорее осознают кем они себя не идентифицируют, но труднее обретают позитивную групповую идентичность при самоопределении в нестабильном социальном пространстве. Такой случай идентификации, построенный на механизмах так называемой

«идентификации от противного», характерен для средних и малообеспеченных слоев населения. Социальное различие происходит путем распознавания своих, а не чужих. Построение дихотомий «мы - они» и аналогичных, нередко основано на оценочных критериях и сопровождается враждебной настроенностью, негативной окраской отношения к «ним». Наряду с идентификацией от противного, когда занижаются или негативно оцениваются «они», имеет место так называемая «негативная идентичность». В нашей стране ранее это было свойственно многим рабочим, которые вопреки официальной пропаганде о доминирующей роли рабочего класса в социалистическом обществе, сами себя называли «работягами». Так, в исследовании с помощью теста «Кто Я?», проведенного в 1990 году, обращает на себя внимание обилие уничижительных, в целом негативных характеристик, описывающих социальное «лицо испытуемых: «Я - никто», «Я — винтик», «Я — пешка», «Я - никому не нужный человек», «Я — замотан бытом», «Я - рабочая лошадь».

Сегодня негативная идентичность широко распространена среди бедных слоев, пенсионеров, людей, находящихся на нижних ступенях социальной стратификации и формируется с помощью каналов СМИ [45].

В кризисный период идентификации выполняют, прежде всего, адаптивные функции. В период социального кризиса наиболее подвержены разрушению и изменениям оказываются конструктивные идентификации, отражающие изменения социального контекста и находящиеся под влиянием СМИ; наиболее стабильными оказываются идентификации с реальными группами повседневного общения.

Таким образом, ситуация миграции русских из стран ближнего зарубежья усугубляется «двойной неопределенностью»:

- потеря прошлой идентичности;
- размытость будущей идентичности в стране прибытия.

Здесь уместно говорить как о культурной неопределенности и мигрантов и постоянного населения, так и о ролевой неопределенности и тех и других.

Культурная неопределенность заключается в размытости (на уровне индивидуального осознания) «политико-идеологических и гражданственных (чувства принадлежности к государственным общностям россиян, гражданству СНГ) идентификаций и сохранение на заметном уровне идентичности с «советским народом»».^{1^} Под ролевой неопределенностью здесь понимается размытость, прежде всего, профессиональных идентификаций на всем пространстве бывшего СССР. Прежние идентификации относительно престижности, популярности, доходности определенных профессий исчезли, а новые идентификации слишком различаются в индивидуальном сознании и официальной пропаганде (например, учитель - если это уважаемая в обществе профессия, то почему же постоянно возникают проблемы с достойной оплатой их труда?). На эту тему существует достаточное количество исследований, поэтому в данной работе мы просто указываем на существующее положение вещей, не касаясь его причин.

1.2. Понятие социальной адаптации мигрантов

Рассмотрим подробнее, что представляет собой понятие адаптации. Сам термин «адаптация» (от лат. *adapto* — приспособляю) впервые появился в физиологии и использовался изначально в биологических науках. В научный оборот этот термин был введен немецким физиологом Г.Аубертом и обозначал изменения (приспособительного характера) чувствительности кожных анализаторов к действию внешних раздражителей [4]. Впоследствии — в самом общем виде - в естественных науках под адаптацией понималась «...вся совокупность реакций живой системы, поддерживающих ее целостность и функциональную устойчивость при изменении условий окружающей среды» [22]. Рассуждая далее, логично, по мнению М.В.Ромма, «вести речь о закономерностях адаптации человека к социальной среде. Причины, вызывающие у людей потребность в социальной адаптации, были выявлены в социокультурной природе человека». По мнению немецкого

философа и культуролога И.Г.Гердера, «человек как культурное существо представляет собой, с одной стороны, существо «недостаточное», а с другой - «творческое». «Недостаточность» связана с тем, что изначально человек - это самое беспомощное из всех живых существ. Но именно «отсутствие у человека присущих животным генетически передаваемых, инстинктивных, узкоспециализированных приспособительных программ делает его существом творческим, а значит, социально активным».[52, 11]

Одним из подходов к феномену социальной адаптации является культурологический подход, ставящий в центр внимания проблему взаимосвязи социальной адаптации и культуры. В рамках этого подхода считается, что «все виды адаптации, присутствующие в моделях поведения, вырабатываются в процессе развития культуры и избавляют каждое следующее поколение от необходимости проходить через болезненный индивидуальный опыт». По словам Э.С.Маркаряна, «адаптивная функция культуры непосредственно, логически выводится из самого определения культуры как способа человеческой деятельности, ибо сам феномен деятельности имеет исходную адаптивную ориентацию» [37].

Кроме того, как справедливо замечает М.В. Ромм, «одну из центральных ролей при изучении адаптационных процессов в настоящее время играет системный подход, опирающийся на представление о том, что все процессы, явления, предметы и отношения могут рассматриваться как обладающие определенной структурой» [52].

Анализ соответствующей литературы показывает, что нет единого взгляда на понятие адаптации в социальных науках. В различных школах это понятие может рассматриваться как:

1. процесс приспособления организма к разнообразным изменениям среды (позитивного или негативного свойства);
2. состояние гомеостатического, динамического равновесия между организмом и средой;
3. результат оптимального взаимодействия организма и среды.

4. гедонистическая цель, заключающаяся в поиске наслаждения, способа избежать страданий, болевых ощущений и т.д.

Понимание социальной адаптации как приспособления весьма близко к «гомеостатическому подходу», который рассматривает совместимость объекта и субъекта адаптации.

Изучение социальной адаптации, относящейся к предметной области социологии, неразрывно связано с психологическими подходами. В связи с этим критика в излишней «психологизации» части работ современных социологов не всегда оправданна. Очень сложно разделить и выделить социальный и психологический аспект изучения в процессе социальной адаптации. С одной стороны - на всех его этапах, начиная с побудительных мотивов и заканчивая оценкой результатов этого процесса, психологический фактор играет важнейшую роль, а с другой стороны - сама среда, с которой взаимодействует адаптант, подразделяется на личностную и предметную.

Социальная адаптация - есть процесс деятельности, человека. При этом мы рассматриваем деятельность не просто как реакцию на внешние раздражители, а как активность, продиктованную потребностями человека, а также, существующими в обществе нормами и правилами. Н.Н. Подпороина пишет о том, что в структуре деятельности человека, к которой относится социальная адаптация, присутствуют два важных фактора: «во-первых - целостный характер деятельности, неразрывно связанный с социальной информацией, благодаря которой становится возможным рационально-целенаправленное преобразование окружающей действительности; во-вторых, социальная информация' всегда выступает в роли условия, средства деятельностного приспособления к требованиям социальной среды и индивидуальным потребностям адаптирующейся личности»[49].

Для понимания процесса социальной адаптации очень важно отметить, что адаптивная деятельность - это двусторонний процесс. Взаимодействуя с окружающей средой, человек не только изменяет свою нормативно

регуляционную систему, но и предметно и духовно воздействует на саму среду[49].

Говоря о теоретических подходах к анализу процесса социальной адаптации, следует отметить, что основное содержание нормативного подхода, входящего в структуру структурно-функционального анализа - это доминантное адаптирующее воздействие социума (принимающей среды); в то время как в интерпретативном подходе — адаптация рассматривается как «субъективно опосредованное развитие», что позволяет четче рассмотреть взаимодействие как социума с личностью, так и личности с социумом.

Л.Л. Шпак пишет, что социальная адаптация есть «исторически обусловленная практическая деятельность, основное содержание которой составляет приспособление и привыкание личности и общностей (классов, социальных групп и слоев, трудовых коллективов, наций, семьи), а также самостоятельных коллективов и движений к изменяющимся условиям, формам и способам общественной жизни и преобразование социальной среды в соответствии с личными и общественными потребностями»[70].

Из этого определения, становится понятным, что необходимость в социальной адаптации — «историческая обусловленность», ведь она определяется как процесс, в основе которого лежит «деятельность, направленная на приспособление и привыкание», и как следствие процесса адаптации выявляется – «изменение социальной среды». Указаны также акторы – «личность, общность, самостоятельные коллективы и движения». Выделяется также среда для адаптантов — это формы и способы общественной жизни.

Определение Л.Л. Шпак показывает, что в процессе адаптации меняется не только субъект, но и сама среда. Подобный подход к процессу социальной адаптации близок уже упомянутому выше психологическому «гомеостатическому подходу», который рассматривает первопричиной не только изменения личности, но и изменение среды.

Т.В. Вершинина предлагает рассмотреть адаптацию как средство, необходимое на начальном этапе всякой человеческой деятельности для установления соответствия социального субъекта и среды. Здесь мы также видим прямое влияние деятельностного подхода, но в данном случае нивелируется положение социальной среды и характеристик самого адаптанта. Для данной работы важно отметить, что интенсивность процесса социальной адаптации может быть различной. Она зависит как от контекста, в котором происходит адаптация, и объекта социальной адаптации, так и, непосредственно, от субъекта адаптации. Ф. З. Меерсон определяет адаптацию как «процесс приспособления организма к внешней среде или к изменениям, совершающимся в самом организме»[10].

В отечественной научной литературе советского времени, авторы выделяли четыре формы социальной адаптации:

- 1) профессиональную (к профессии и производственно-техническим факторам среды);
- 2) личностную (к производственному коллективу и внепроизводственному общению);
- 3) адаптацию к природе (путем создания жилищ, одежды, соответствующего транспорта);
- 4) к формам общественного сознания (науке, религии, искусству).

Выделяя формы адаптации, А.В. Сахно ввел личностную адаптацию, о которой мы сегодня можем говорить как о части социальной адаптации, в рамках интерпретативного подхода. Изучение личностной адаптации на сегодняшний день становится более популярным в связи с повышением интереса к этнометодологии [57].

Применяя градацию А.В. Сахно к сегодняшней ситуации, можно выделить несколько типов социальной адаптации: профессиональную; психологическую; экономическую - к внешней экономической среде; социокультурную.

Все четыре формы социальной адаптации в диалоге между субъектом и объектом происходят одновременно, взаимодополняя и определяя друг друга.

Говоря о способах взаимодействия адаптанта (субъекта адаптации) со средой, разделим процесс социальной адаптации на несколько уровней. В структурно-функциональной парадигме исследователи социальной адаптации рассматривают два ее уровня:

- 1) функционально-стереотипный (усвоение норм),
- 2) функционально инициативный (творческое отношение к нормам и стереотипам).

Уровни разделяются в зависимости от активности субъекта во взаимоотношениях со средой. На первом уровне индивид проявляет познавательную активность. На втором уровне меняется непосредственно среда. Сначала происходят попытки подстроить среду под себя, затем проявляется другая активность – приспособленческая [57].

Важным в этом определении является специфическое социальное взаимодействие, которое рассматривается как взаимодействие личностных характеристик с объективными характеристиками среды. Интересным этот подход является потому, что он предоставляет возможность рассмотреть развитие социальных и психологических характеристик личности в процессе адаптации [9, 49].

Кроме того, если рассматривать адаптацию в контексте миграционных процессов, то иногда это понятие рассматривается как составная часть понятия «приживаемость». По мнению Ж.А.Зайончковской, «приживаемость - это явление, характеризующее переход новосела в состав старожилов и, стало быть, постоянного населения района вселения [20]. В структурном отношении приживаемость включает в себя два основных компонента, первым из которых является адаптация». В таком значении под адаптацией понимается процесс активного приспособления человека к новым для него условиям жизни. Причем, «с одной стороны, это приспособление человека как живого существа, а с другой - как личности, социального феномена». Второй

компонент приживаемости - это «приспособление объективных условий жизни к своим потребностям». Приспособление материальных условий к своим потребностям переселенческая литература в прошлом называла «обустройством новоселов» , под которым понимается процесс достижения новоселами уровня благосостояния старожилов.

В социально-психологической литературе процесс адаптации может рассматриваться в контексте процесса социализации. Считается, что социализация личности происходит в процессе адаптации к социальной среде и подразделяется на биофизиологическую (т.е. приспособление организма к устойчивым и меняющимся условиям физической среды, а также приспособление к изменениям в самом себе) и психологическую [41]. Психологическая адаптация, в свою очередь, включает в себя социальную и экологическую составляющие. Социальная адаптация - «это процесс вхождения личности в социально-ролевые связи и отношения, овладения ею социальными нормами, правилами, ценностями, социальным опытом, социальными отношениями и действиями»[21].

В данном исследовании под термином «адаптация» понимается «двусторонний процесс и результат встречной активности субъекта и социальной среды» [26].

Адаптация — это всегда процесс двусторонний, приспособляясь к окружающей среде, субъект адаптации не может не воздействовать на нее, хотя бы даже простым своим присутствием.

Но в зависимости от степени влияния среды на индивида, или индивида на среду, мы можем говорить о пассивности или активности адаптации [72]. Пассивная адаптация - это приспособление к существующим условиям при минимуме собственной активности, т.е. субъект адаптации воспринимает среду такую как она есть и не пытается осознанно воздействовать на нее. Активная адаптация заключается в преобразовании среды для достижения; наилучших результатов приспособления.

Адаптация - один из ключевых социально-психологических процессов. Есть мнение, что «жизнь сводится к удовлетворению потребностей и процессам адаптации». Следовательно, значение процесса адаптации очень велико на всех этапах и во всех ситуациях человеческой жизнедеятельности. Очень заметна роль процесса адаптации и в ситуации миграции.

Согласно существующим данным, «перемещения населения бросают вызовы безопасности, так или иначе, оказывают влияние на безопасность на любой стадии миграционного процесса. Но, пожалуй, ни на одной из них эти вызовы и это влияние не бывают столь сложны, многообразны и неожиданны, как на стадии прибытия, когда происходит адаптация. И состояние безопасности, и представления о ней, и цели безопасности прямо зависят от того, как протекает адаптация».

Процесс миграции считается завершенным при условии, когда мигрант начинает воспринимать новую родину как свое постоянное место жительства. Для этого должны быть достигнуты цели, ради которых и была осуществлена миграция. В противном случае процесс миграции возобновляется (либо индивид стремится к его возобновлению). Роль социальной адаптации в данном случае заключается в следующем. Успешная адаптация (т.е. адекватное овладение социальными нормами, ценностями, адекватное вхождение в социально-ролевые отношения) делает положение субъекта адаптации устойчивым и положительно мотивированным относительно новой социальной среды. Следовательно, исчезают мотивационные факторы для смены данной среды в результате миграции [42].

Согласно теории аккультурации, разработанной Дж.Берри, аккультурация сводится к двум основным проблемам: поддержание культуры (в какой степени признается важность сохранения культурной идентичности) и участие в межкультурных контактах (в какой степени следует включаться в иную культуру или остаться среди «своих») [37].

В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса Дж.Берри выделил четыре основных стратегии аккультурации: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция.

Ассимиляция - вариант аккультурации, при котором эмигрант полностью идентифицируется с новой культурой и отрицает культуру этнического меньшинства, к которому принадлежит.

Сепарация означает, что представители этнического меньшинства отрицают культуру большинства и сохраняют свои этнические особенности [30].

Если мигрант не идентифицирует себя ни с культурой этнического большинства, ни с культурой этнического меньшинства, то результатом является этнокультурная маргинальность. Это может быть следствием низкой возможности (или низкого интереса) поддержания культурной идентичности (часто из-за вынужденных или навязанных культурных потерь) и низкого интереса в установлении отношений с окружающим обществом (из-за отвержения доминирующей культурой или дискриминации).

Интеграция характеризуется идентификацией как со старой, так и с новой культурой. Для мигранта адаптация может считаться успешной, когда проходит по типу интеграции, хотя и применение стратегии ассимиляции, тоже дает положительный результат. Другое дело, насколько уместно говорить об ассимиляции, когда речь идет о зрелых, сложившихся личностях, со своим прошлым культурным опытом, устоявшимися ценностями? Поэтому об ассимиляции в «чистом виде» уместно говорить при рассмотрении последующих (второго, а во многих случаях и третьего) поколений мигрантов.

Мировой опыт показывает, что даже в третьем поколении мигранты не ощущают себя полностью включенными в принимающее общество. Первое же поколение мигрантов ассимилироваться не может по определению, хотя необходимо стремиться к этому, т.к. только стратегия ассимиляции приводит к непротиворечивому результату взаимодействия социальных групп.

Вышеизложенная теория аккультурации описывает взаимоотношения различных этнических общностей, тогда как наше исследование посвящено адаптации русскоязычных мигрантов в России. Таким образом, и субъект адаптации (мигрант) и социальная среда (принимающая сторона) являются представителями одной этнической общности. Докажем уместность рассмотрения русскоязычных мигрантов как инокультурный элемент. Каждый мигрант является носителем специфической культуры или субкультуры. Откуда бы ни приехал мигрант, его культура так или иначе отличается от той культуры, к которой он вынужден адаптироваться. Это относится и к русским мигрантам, которые, приезжая в Россию, как бы возвращаются на свою историческую Родину[51].

Данные многочисленных исследований¹ показывают, что русские, живущие в Прибалтике, Средней Азии, на Кавказе, существенно отличаются от русских, живущих, например, в центральной России. Результаты исследования русскоязычных вынужденных Л.А.Шайгеровой, доказывают эту инокультурность. [17].

Только оказавшись в ситуации вынужденной миграции, русские переселенцы с удивлением обнаруживают наличие культурной пропасти между собой и местными русскими. Приходит понимание того, что русские «там» и русские «здесь» - это совершенно разные люди. Нередко у русских мигрантов гораздо больше сходства с казахами, киргизами, узбеками, они впитали в себя лучшие традиции и обычаи этих народов». Кстати, по данным вышеназванного исследования, даже для тех мигрантов, которые казалось бы приехали на свою этническую родину, к своим этническим русским, характерна психология этнических меньшинств.

Таким образом, доказана достоверность утверждения, что русские из стран ближнего зарубежья и русские, представляющие постоянное население региона вселения — это различные социокультурные общности. А это, в свою очередь, дает нам право рассуждать об адаптации русскоязычных мигрантов в терминах аккультурации.

Как правило, эти отличия осознаются самими мигрантами, но только после взаимодействия, непосредственного общения с постоянным населением. Практически все из опрошенных Г.У.Солдатовой и Л.А.Шайдеровой русских вынужденных мигрантов из стран ближнего зарубежья ощущают себя «чужаками» и «лишними». Так воспринимают их окружающие, так воспринимают они себя сами, испытывая в полной мере тяжелое и драматическое состояние «культурного шока». В своей книге, так и озаглавленной «Культурный шок», А.Фэрнхем и С.Бочнер дают определение данному понятию: «Культурный шок - это шок от нового. Гипотеза культурного шока основана на том, что опыт новой культуры является неприятным или шоковым частью потому, что он неожидан, а частью потому, что он может привести к негативной оценке собственной культуры» [7].

Интересно отметить, что по результатам уже упоминавшегося исследования В.В Гриценко, у 73,3% исследованных им русскоязычных мигрантов наблюдались осознанные установки на сохранение у себя культурных заимствований от народов тех стран ближнего зарубежья, в среде которых они длительное время проживали до переезда в Россию [13]. Однако, как свидетельствуют данные исследования, эти культурные заимствования в большей степени проявляются в поведенческой бытовой сфере мигрантов, а в гораздо меньшей степени - в психологической, духовной, что «свидетельствует о «близости культур» контактирующих групп русских мигрантов и групп местного русского населения». Но своеобразие адаптации любой группы мигрантов (в том числе и русскоязычных) состоит в специфике страны вселения. Россия на протяжении последних десятилетий находится в положении трансформирующегося общества, общества переходного периода. И хотя в последние годы наметился путь к стабилизации в некоторых областях социальной жизни, но на уровне ценностей, установок, традиций, обычаев российское общество еще нельзя назвать стабильным и полностью сформировавшимся. А ведь «адаптация предполагает усвоение иммигрантом характерной для общества пребывания социальной дистанции - степени

близости или отчужденности социальных групп и лиц. В традиционном обществе социальная дистанция жестко фиксирована и неизменна, проявляется в сознании и образе жизни. В российском же обществе она не столь очевидна, достаточно гибка и сложна для восприятия иммигрантами».

Характеризуя адаптационные возможности субъектов с психологической точки зрения, исследователи следующим образом группируют их способности к адаптации:

1) способность к формированию образа среды способность выделить непосредственную предметную и социальную среду, как жизненное пространство, поле деятельности и самореализации;

2) способность к рациональному познанию значимых элементов среды, собственного потенциала, соотнесенного с целями, средствами и результатами деятельности;

3) способность к формированию ценностных рядов (избирательное отношение к ценностям, упорядочение предпочтений);

4) способность к эмпирической деятельности (способность манипулировать объектами окружения для достижения цели).

Важным фактором для повышения эффективности социальной адаптации является социальная установка, адаптанта. Социальная установка - есть сложившаяся готовность индивида к определенной форме реагирования на социальные объекты, предрасположенность индивида, побуждающая его действовать определенным образом скорее, чем каким-либо други.

В адаптации, пишет Р.А. Костин, проверяется способность мигранта решать меняющиеся и повторяющиеся проблемы путем претворения в жизнь приятных им новых жизненных норм и ценностей [25].

3. Это высказывание полностью соответствует нашему пониманию процесса социальной адаптации, основываясь на опыте психологических исследований, и рассматривая сам процесс социальной адаптации через призму микроуровня.

Цели, которые преследует мигрант, приезжая на новое место жительства, оказывают непосредственное влияние на процесс социальной адаптации. В частности, первостепенно значение имеют планы мигранта на время пребывания на новом месте. В иностранной традиции субъекты адаптации делятся на категории по трем признакам:

- 1) наличие или отсутствие перемещения в пространстве;
- 2) добровольность или вынужденность миграций;
- 3) временные рамки миграций.

Кроме того, проблема адаптации русскоязычных мигрантов усугубляется степенью неподготовленности последних к самой возможности существования дистанции между ними и постоянным населением.

1.3. Стратегии адаптации русскоязычных мигрантов

На выбор стратегии адаптации оказывают непосредственное влияние характеристики принимающего общества. Исследователями накоплен обширный опыт изучения взаимосвязи адаптации мигрантов и различных параметров принимающего общества.

Среди этих параметров называются:

1. Политика принимающих стран в отношении иммиграции (концепции разных стран в отношении иммиграции могут способствовать и поддерживать ассимиляцию мигрантов (как, например, во Франции) или препятствовать ей (как в Великобритании), поддерживая фаницы между этническими группами);
2. Степень внутренней гомогенности принимающего общества (считается, что культурно и этнически однородные общества (страны типа Японии), состоящие из индивидов, имеющих одинаковую этническую идентичность, создают препятствия на пути адаптации в них мигрантов);
3. Степень удаленности культуры принимающего общества от культуры иммигрантов [30].

Таким образом, мы видим, что выбор стратегии адаптации детерминирован достаточно большим количеством разнообразных факторов и

не всегда и не во всем зависит от желаний самих мигрантов. Но если адаптация мигрантов проходит по пути сепарации (как вариант - сегрегации, т.е. не добровольной сепарации, а навязанной принимающей стороной) или маргинализации, то это не приносит пользы ни самим мигрантам, ни постоянному населению региона, а наоборот несет некоторую угрозу безопасности (экономической, правовой, культурной).

Среди факторов, влияющих на адаптацию, выделяются «внешние» и «внутренние». Первые представляют собой совокупность характеристик мест вселения, вторые могут быть определены как совокупность характеристик самих вынужденных переселенцев. К внешним факторам Е.Филиппова относит демографическую структуру и плотность населения региона, потребность в рабочей силе, наличие свободного жилого фонда, развитость инфраструктуры, ресурсный потенциал и экологическое состояние региона, величину культурной дистанции между вынужденными мигрантами и местным населением и некоторые другие, к внутренним - пол, возраст, образование, специальность, квалификацию переселенцев, их семейное положение и материальный уровень, особенности психического склада и т.д. Влияние на адаптацию оказывают также степень вынужденности миграции и ее обстоятельства[64]. В каждом конкретном случае мы сталкиваемся с особым набором значимых для адаптации «внешних» и «внутренних» факторов, равно как и со своеобразным сочетанием тех и других.

Для мигрантов успешная адаптация — «это адаптация по типу интеграции», неуспешная - «адаптация по типу психологической защиты или изоляции». При первом варианте обычно удается заново обрести прочную безопасность, гарантируемую большим сообществом, позитивную идентичность, утраченную или поколебленную в результате миграции; при втором безопасность менее устойчивая, поскольку ее поддержание зависит от более слабого, ограниченного в своих возможностях социального субъекта — малой обособленной группы, являющейся «ближним кругом» мигранта (ее функции обычно выполняет семья или диаспора).

Но адаптация — это всегда двусторонний процесс. Принимающее общество тоже должно адаптироваться к приезжим и таким образом восстановить социальные условия среды, измененные с появлением мигрантов. В месте прибытия успех или неуспех взаимной адаптации влияет и на миграционный процесс. Как уже отмечалось выше, неудача адаптации у мигрантов приводит к возобновлению миграционного движения [44].

Таким образом, когда адаптация протекает успешно, миграционное движение ослабевает, в противном случае процесс миграции продолжается с прежней силой или увеличивается. Уменьшение неконтролируемого миграционного движения приводит к восстановлению стабильности, тогда как рост этого движения опасен непредсказуемыми последствиями, возникновением социальной напряженности и конфликтов.

Существуют две основные стратегии социальной адаптации: открытая и закрытая [64]. Закрытая стратегия заключается в противодействии, уравнивании или нейтрализации среды (данный вид поведения еще называют компенсационной адаптацией).

Открытая стратегия включает в себя вживание, усвоение и освоение существующей среды (модификационная адаптация). Очевидно, что открытая стратегия эффективнее там, где требуется усвоить новое, тогда как закрытая будет полезна там, где выгодно сохранить свою самобытность. В ситуации миграции положительный результат дает использование открытой стратегии адаптации, либо (с меньшим эффектом) оптимального сочетания открытой и закрытой стратегий.

Использование закрытой стратегии характерна для диаспор, насильственно перемещенных, временных мигрантов, а также консервативно настроенных индивидов. Применение закрытой стратегии адаптации было характерно для русских эмигрантов первой волны, которые многие годы надеялись на: свержение Советской власти и возвращение на Родину [64]. Вынужденные русскоязычные мигранты могут использовать закрытую стратегию подобно представителям русской диаспоры времен эмиграции

первой волны, с которыми их объединяет вынужденность принятого решения об эмиграции. Действительно, намерение (или мечта и надежда) возвратиться обратно, препятствуют успешному овладению культуры (социальных норм, ценностей, традиций) региона прибытия. Эта категория мигрантов будет сопротивляться ассимиляции[51].

Преимущественно закрытую стратегию чаще используют также представители старшего поколения в силу наличия более устоявшихся стереотипов, стандартов поведения и восприятия. Открытая стратегия адаптации приводит к ассимиляции использующего ее субъекта адаптации. Открытость стратегии заключается в том, что субъект адаптации позитивно настроен относительно принимающей стороны, стремится к постоянному или длительному проживанию в регионе прибытия.

Недостаточное использование открытой стратегии русскоязычными мигрантами из стран ближнего зарубежья обусловлено целым рядом факторов: во-первых, как было отмечено выше, несамостоятельность, вынужденность принятия решения о миграции; во-вторых, неадекватное представление о реальном положении дел в регионе прибытия (слишком позитивно окрашенное или слишком негативное) и, в-третьих, нестабильность и неопределенность будущего, которая является следствием слабо отработанного механизма помощи мигрантам со стороны государства.

Рассмотрим существующие модели адаптации мигрантов в регионе прибытия. В России на сегодняшний день существуют, в основном, две модели расселения мигрантов: дисперсное и компактное. Проблема создания компактных поселений неоднократно обсуждалась в печати и на Форумах переселенческих организаций.

Эта проблема исследовалась и в научно-исследовательском проекте Гриценко В.В. «Чужие среди своих: проблемы адаптации русских вынужденных мигрантов и беженцев из ближнего зарубежья в России», осуществленного при финансовой поддержке Фонда Джона Д. И Кэтрин, Т.Макартуров. По данным этого исследования, доля вынужденных мигрантов,

поддерживающих идею организованно- общинного поселения, составляла всего 28%. Число так ответивших значительно ниже среди тех, кто сам живет в компактных поселениях [12].

Здесь она составила всего 10%. Как правило, это были люди, относящиеся к наиболее незащищенным слоям населения: пожилые, одинокие, больные, материально необеспеченные, которым без государственной или корпоративной помощи решить вопросы обустройства крайне затруднительно. Остальные опрошенные Гриценко В.В. переселенцы, проживающие в компактных поселениях, отдают предпочтение: дисперсному типу поселения при наличии условий для самостоятельного обустройства. По мнению Гриценко В.В., «для вынужденных переселенцев и так сужена свобода выбора, а для компактно поселяющихся переселенцев она сужена вдвойне. А потому довольно высок отток переселенцев в обследованных...компактных поселениях» [12, с. 49]. Кроме того, жизнь в компактных поселениях подразумевает внутригрупповое взаимодействие, некоторую «общинность», «коммунность». А, по мнению Майерса, «...расхожий тезис «в единстве - сила» не всегда работает. В этих случаях действует иной механизм социального взаимодействия — «социальная лень» - как раз и проявляющийся в тенденции людей прилагать меньше усилий в том случае, когда они объединяют свои усилия ради общей цели, нежели в случае индивидуальной ответственности» [29, с. 65].

В обследованных Гриценко В.В. компактных поселениях и переселенческих организациях наблюдалась ситуация, когда «в условиях групповых действий с размытой ответственностью члены группы склонны меньше работать и больше требовать, так как каждый считает, что его вклад в общее дело более значим по сравнению с другими, а поэтому и получать он должен больше». В такой ситуации естественен рост внутригрупповой напряженности, а также весьма вероятен распад данной группы. Кроме того, по данным того же исследования, для переселенцев, проживающих компактно, оказывается очень важным сохранение своей непохожести и не очень

значимым - установление и налаживание самых широких связей с новым окружением. Такая поведенческая установка однозначно не способствует успешной адаптации данной категории населения, а ведет к сепарации и, как следствие, усилению социальной напряженности и возникновению конфликтов.

По сравнению с мигрантами, поселившимися компактно, дисперсно поселившиеся мигранты оказались менее фрустрированными в новой социокультурной среде. Они более удовлетворены профессиональной деятельностью, жилищными и материальными условиями, отношениями с коренными жителями, а также более оптимистично оценивают жизненную ситуацию и довольны осуществлением смысла жизни.

Таким образом, компактное расселение помогает адаптироваться к новым условиям жизни за счет налаженных связей внутри сообщества, за счет общности судьбы, а часто и общности локально-культурных особенностей страны выхода. Но, одновременно, эта внутригрупповая сплоченность автоматически является причиной противопоставления себя как «Мы-группы» - принимающей стороне как «Они-группе», а также уменьшает степень необходимости взаимодействовать с внешним окружением, так как многие необходимые в межличностном плане контакты мигрант получает в своей среде.

Таким образом, скорее всего, адаптация идет не по пути интеграции, а по пути сепарации. Дисперсная модель, уходя от недостатков компактной модели, имеет ряд своих недостатков. И одним из самых существенных, наверное, является отсутствие первого этапа адаптации к стране вообще, и к конкретному региону, в частности. Кроме того, дисперсная модель расселения подразумевает практически полную независимость мигранта от государственных миграционных служб.

Это служит дополнительным положительным стимулом для адаптивных личностей, но добавляет сложностей, особенно на стадии адаптации, неадаптивным личностям.

Анализ факторов, влияющих на адаптацию, выявил их взаимную дополняемость: успешная психологическая адаптация зависит от личностных переменных, событий жизни и социальной поддержки, а успешная социокультурная адаптация зависит от знания культуры, степени включенности в контакты и межгрупповых установок.

Дело в том, что многие исследования, в том числе и вышеуказанное, подчеркивают влияние индивидуальных личностных качеств мигрантов на успешность адаптации. Так, например, утверждается, что женщины менее адаптивны, по сравнению с мужчинами, они острее переживают кризис личностной и социальной идентичности, а также показывают более высокий уровень тревожности личности. Кроме того, исследователи считают возраст достаточно ярко выраженным фактором, влияющим на успех или неуспех процесса адаптации. Считается, что молодые люди адаптируются к условиям новой социальной среды быстрее, чем люди со старшего возраста. По данным исследования, проведенного Гриценко В.В., примерно три четверти вынужденных мигрантов испытывают те или иные проблемы, связанные с адаптацией к новым условиям жизни. И хотя среди них есть представители всех возрастов, но лица старшего возраста переживают все эти проблемы более остро.

По мнению Гриценко В.В., «лица старшего и предпенсионного возраста очень болезненно переживают потерю всего того, что составляло смысл их жизни: любимую работу, близких друзей, привычный образ жизни». Также доказана зависимость успешной адаптации от уровня образования мигранта: чем оно выше, тем больше вероятность успешного преодоления кризиса идентичности и интеграции в новую социокультурную среду. Продолжая разговор о личностных особенностях мигранта, отметим, что Т.Г. Стефаненко выделила обобщенный образ человека, который лучше всего подходит для жизни в другой культуре. Это — «профессионально компетентный, имеющий высокую самооценку человек, общительный индивид экстравертного типа; человек, в системе ценностей которого большое место занимают ценности

общечеловеческие, открытый для самых разных взглядов, интересующийся окружающими, а при урегулировании конфликтов выбирающий стратегию сотрудничества» [13, 58].

Таким образом, согласно результатам вышеизложенных исследований, существует зависимость между некоторыми личностными особенностями личности и успешностью протекания адаптации (хотя из правил могут возникнуть и исключения). Но не будем забывать и об остальных мигрантах, адаптивные возможности которых гораздо более скромны.

Кроме того, на адекватность восприятия ситуации (а, следовательно, на успешность адаптации) влияет так называемое социальное мышление личности. В исследовании К.А.Абульхановой-Славской выведены 4 базовых типа сознания [1]:

1. Тип личности, представляющий себя в качестве объекта, от которого ничего не зависит, воспринимает общество как субъект управления или произвола, или опеки (О-С), в основном сохраняет старое авторитарное сознание;

2. Тип личности, представляющий себя как объект, в таком же качестве видит и общество (О-О), это сознание отчужденного типа, которое построено на безличной функциональной (в недавнем прошлом бюрократической) связи себя с обществом, которое воспринимается не как источник подавления, а инструкций, указов и т.д.;

3. Тип личности, рассматривающий себя как субъект, а общество как объект (С-О). По мнению К.А.Абульхановой-Славской, «этому типу присуще сознание, совсем недавно типичное для миссионеров, диссидентов и ... девиантов, которые считали себя призванными спасти народ. Родину (поменять ее на другую или ограбить, что в равной степени означает объектный императив).

Сегодня это сознание народившегося класса предпринимателей - изменилась только моральная модальность их трактовки общества; из объекта

спасения оно превратилось в объект использования, растаскивания национального достояния и т.д.» ;

4. Тип личности, который представляет и себя, и общество как субъектов (С-С), поскольку сознание такой личности предполагает признание взаимных «прав», самостоятельности, оно обладает способностью к плюрализму.

Естественно, что каждый из вышеназванных типов личности будет адаптироваться с различной степенью успешности и выбирать различные пути для достижения успешной адаптации. Но эта проблематика не является целью данного исследования, тем более, что существует достаточно обширное число разработок, посвященных влиянию личностных особенностей на успешность адаптации.

1.4. Особенности переселения русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана

Упрощение процедуры возвращения русских на Родину из-за рубежа, новая федеральная программа, направленная на стимулирование этого процесса, поощрение поселенцев на целевых территориях — увеличили поток «возвращенцев».

По числу соотечественников, вернувшихся в РФ в рамках госпрограммы по переселению, лидирует Украина. Следом за ним идёт Кыргызстан, а третье место делят Молдавия и Казахстан.

В современных миграционных процессах Кыргызстана выделяются внешние и внутренние факторы, детерминирующие миграционные потоки. К внешним факторам можно отнести жизненные условия мигранта (падение уровня жизни, ухудшение экономической и политической ситуации в стране, этническая дискриминация и т.п.), оказывающие воздействия на возникновение желания переместиться в другую страну. К внутренним факторам условно относятся мотивы, цели, потребности, психологические особенности, т.е. «социальный страх» мигранта, который побуждает и

формирует миграционное поведение. Вместе с тем на развитие современной внешней миграции влияют социально - экономические и общественно - политические факторы, определяющие уровень жизни населения, а на внутренней миграции - социальные, экономические, демографические и экологические факторы. При этом основным фактором, способствующим миграции, является ухудшение экономического состояния страны, которое привело к снижению социальной сферы обеспечения, оттоку квалифицированных специалистов и экономически активной части населения.

Социально-экономические трудности порождают межэтническую напряженность, периодически перерастающую в столкновения. Межнациональные отношения являются немаловажным фактором развития миграции, так как в обществе наблюдается раскол в социальном, идеологическом и национальном отношении. Обострение межэтнических отношений в Кыргызстане в 2010 г. усилило отток населения за пределы государства. В Кыргызстане процессы политической дестабилизации, ослабления государственных институтов и роста регионально-клановых противоречий проходили в условиях углубляющегося экономического кризиса и фактического обнищания большинства населения. На этом фоне вновь стала расти эмиграция русских из страны – согласно переписи 2009 года, их число сократилось до 419,6 тысяч человек (7,8 процента населения). Справедливости ради следует сказать, что рост миграции за пределы страны не был чисто русским явлением: примерно в эти же годы начинается массовый отъезд киргизов на заработки в Россию.

Тем не менее, усиливались факторы, способствовавшие росту эмиграции именно русского и русскоязычного населения. Прежде всего, это относится к определенным процессам в политической жизни страны. Правда, администрация Курманбека Бакиева тоже провозгласила в качестве основной цели «формирование гражданской политической нации». Вместе с тем подчеркивание значимости межэтнического согласия и гармоничного сосуществования гражданской и этнической идентичности сочеталось с

откровенно националистическими высказываниями высокопоставленных чиновников. Не прекращалось вытеснение русского языка и русскоязычных кадров из престижных сфер управления и экономики, хотя нужно вспомнить, что при Бакиеве одно время премьер-министром был этнический русский – И.Чудинов. Вместе с тем во всех трех вариантах проектов новой конституции Кыргызстана, разработанных комиссией Азимбека Бекназарова, русский язык лишился статуса официального.

Как известно, сегодня доля киргизов здесь достигает 91 процента, что значительно превышает долю представителей титульного этноса в населении республики, не превышающую 70 процентов. Впрочем, следует отметить, что «нетитульным» национальностям, согласно законодательству, выделены квоты в представительных органах власти. К 2030 году останется всего 194 тысячи русских.

При всей неоднозначности оценок национальной политики нынешних киргизских властей все эксперты вынуждены однозначно констатировать объективный факт – русские из Кыргызстана по-прежнему уезжают и будут уезжать. По данным на 2013 год, русское население республики сократилось до 375,4 тысячи человек (6,6 процента населения страны). Главной причиной эмиграции подавляющее число уезжающих в Россию называют экономическое положение. Россия для многих – это богатые возможности, огромный рынок труда и, естественно, родственная этнокультурная среда – «историческая родина», с которой они связывают свое будущее. Сегодня Кыргызстан покидают, прежде всего, дипломированные специалисты, и лишь около 10 процентов эмигрантов – пенсионеры. Определенное стимулирующее воздействие на эмиграцию оказывает российская «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» принятая еще в 2006 году (новая бессрочная редакция утверждена в 2012 году). Многие русские репатрианты стремятся воспользоваться этой программой, но немало их затем испытывают горькое разочарование – из-за равнодушия,

бездущия и хамства российских чиновников, обращающихся со своими «зарубежными соотечественниками» в духе «Понаехали тут!».

Из-за интенсивной эмиграции, затронувшей, в первую очередь, русских горожан в возрасте до 45 лет, в среде оставшегося русского населения идет интенсивный процесс старения. Дети в возрасте до 14 лет составляют лишь 13 процентов всех русских Киргизии, людей старше 65 лет - 19,6 процента. Географическое распределение русского населения остается прежним - наибольшее количество (примерно половина) проживает в Бишкеке. Как и в начале 90-х, заметно присутствие русских в Чуйской и Иссык-кульской областях. На юге страны доля русского населения минимальна – не более одного процента, и она постоянно сокращается - как из-за переселения в северные районы страны, так и за счет отъезда в Россию.

Наряду с экономическими причинами, прежде всего, большими проблемами с трудоустройством, русских продолжает сильно беспокоить языковая ситуация и, в первую очередь, трудности с получением качественного образования на родном языке, несмотря на то, что русский язык сохраняет очень неплохие позиции в Кыргызстане.

По прогнозу Фонда ООН в области народонаселения, к 2030 году в Кыргызстане останется всего около 194 тысяч русских. Как отмечает лидер «Русского объединительного союза соотечественников» А. Иванов, прогнозы Фонда ООН основаны на показателях, характерных лишь для стабильного развития страны [33].

В силу политических причин вне этого пространства оказалась Украина. Очевидно, что миграционные связи между ней и Россией всегда были плотными в силу географической и этнокультурной близости. Однако предвидеть массовую миграцию из Украины в Россию до вооруженного конфликта 2014 г. было практически невозможно. Изменение политической ситуации вызвало новый поток украинских мигрантов в соседнюю страну. Они как нельзя лучше подходят под категорию «необходимых и близких мигрантов»: большинство из них не только говорят свободно по-русски, хотят

жить в России, имеют профессию и квалификацию, востребованные на рынке труда, но и являются этнически- ми русскими или происходят из смешанных русско-украинских семей.

По данным ФМС, в настоящее время в России находится около 2,6 млн украинских граждан, из которых выходцы с юго-востока Украины составляют порядка 1,1 млн человек.

ФМС сообщает, число украинцев — участников программы в последние 2 года увеличилось [43]:

"В 2014 году в Россию переселилось более 106 тыс. человек, из которых 41,7 тыс. — соотечественники с Украины. В регионы Сибири и Дальнего Востока прибыло 29,6 тыс. человек, в том числе 10,8 тыс. с Украины. В 2015 году численность участников программы и членов их семей составила более 183 тыс. человек, из них около 111 тыс. — переселенцы с Украины. В регионы СФО и ДФО прибыло 38,8 тыс. человек, включая около 18,5 тыс. украинских соотечественников», — отметили в пресс-службе.

В ФМС подчеркнули, что субъекты, входящие в состав ДФО, относятся к числу территорий приоритетного заселения, поэтому тем, кто хочет переехать на Дальний Восток, предоставляется государственная поддержка — компенсация проезда, оформления документов, пособие на обустройство (240 тыс. рублей) и пр.

В Приамурье с начала конфликта в соседней стране приехало полторы тысячи украинцев, а уехали из региона 7,5 тыс. человек

В Амурскую область с начала обострения внутривосточной обстановки на Украине переехали 600 жителей этой страны.

Как отмечают в ФМС, амурчане стали реже оформлять загранпаспорта и выезжать за рубеж из-за кризиса, а вот поток китайский туристов вырос на 30 процентов.

В 2015 году продолжали прибывать в Приамурье граждане Украины. Всего с начала обострения внутривосточной ситуации в Амурскую область

прибыло более 1,6 тысяч украинцев. Большая часть из них стали участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом.

Большинство украинцев свободно говорят по-русски, имеют близкую к российским условиям трудовую квалификацию, готовы жить и работать в России, хотят стать российскими гражданами. Директор ФМС России К.О. Ромадановский в одном из своих публичных выступлений заявил: «Мигранты из Украины – хорошая демографическая поддержка для России [29, с.164].

Украинским мигрантам не требуются серьезная адаптация и интеграционная подготовка, они свободно владеют русским языком»¹⁴. Кроме того, среди украинских граждан, уже переехавших или желающих приехать в Россию, многие являются этническими русскими. Исходя из этих соображений, российская миграционная политика должна была бы дать «зеленый свет» этой категории.

После начала военных действий на востоке Украины и потока беженцев в Россию, государственные структуры открыли двери для украинских граждан. Согласно обновленному законодательству, с 1 января 2014 г. бы установлен разрешенный срок временного пребывания в России для иностранцев, которые въехали в безвизовом порядке, в том числе для граждан соседней страны, – до 90 дней на протяжении 180 дней.

С июля 2014 г. по 1 августа 2015 г. для граждан Украины действовал временный льготный миграционный режим, согласно которому разрешалось находиться на территории России безвыездно без получения соответствующих разрешительных документов больше этого срока.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Анализ соответствующей литературы показывает, что нет единого взгляда на понятие адаптации в социальных науках. В различных школах это понятие может рассматриваться как: процесс приспособления организма к разнообразным изменениям среды (позитивного или негативного свойства); состояние гомеостатического, динамического равновесия между организмом и средой; результат оптимального взаимодействия организма и среды; гедонистическая цель, заключающаяся в поиске наслаждения, способа избежать страданий, болевых ощущений и т.д.

Понимание социальной адаптации как приспособления весьма близко к «гомеостатическому подходу», который рассматривает совместимость объекта и субъекта адаптации.

В России на сегодняшний день существуют, в основном, две модели расселения мигрантов: дисперсное и компактное.

Специфика русскоязычной миграции из стран ближнего зарубежья состоит в том, что мигрант - это многоаспектное понятие, включающее в себя: изменение статуса, изменение экономического положения, изменение мировоззрения, вследствие вертикальной мобильности, изменение места жительства, изменение национальной самоидентификации (от соотнесения себя с категорией «советский народ», к соотнесению себя с категорией «россиянин»), ломку старых стереотипов и ценностей. Ситуация миграции русских из стран ближнего зарубежья усугубляется «двойной неопределенностью»: потеря прошлой идентичности; размытость будущей идентичности в стране прибытия.

Существуют две основные стратегии социальной адаптации: открытая и закрытая. Вынужденные русскоязычные мигранты могут использовать закрытую стратегию подобно представителям русской диаспоры времен эмиграции первой волны, с которыми их объединяет вынужденность принятого решения об эмиграции.

Анализ факторов, влияющих на адаптацию, выявил их взаимную дополнителность: успешная психологическая адаптация зависит от личностных переменных, событий жизни и социальной поддержки, а успешная социокультурная адаптация зависит от знания культуры, степени включенности в контакты и межгрупповых установок.

ГЛАВА 2 ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА И УКРАИНЫ

2.1. Организация и методики исследования

Для выявления особенностей социально-психологической адаптации мигрантов из Украины нами было проведено эмпирическое исследование на базе исследования проводилось на базе отдела по вопросам миграции отдела полиции №12 межмуниципального управления МВД России «Красноярское».

Нами было выделено две группы мигрантов без российского гражданства, приехавшие в г. Красноярск 1 год – 2 года назад с целью получения более высокооплачиваемой работы, улучшение условий труда и условий проживания, создание хорошего будущего своим детям и др.:

– первую группу составляют 20 мигрантов из Кыргызстана в возрасте 26-40 лет (средний возраст выборки 32,8).

– вторую группу составляют 20 мигрантов из Украины в возрасте 29-40 лет (средний возраст выборки 33,6),

С целью исследования социальной адаптации применялись следующие методики исследования:

1. Методика адаптации личности к новой социокультурной среде А.В. Янковского.

Опросник позволяет выявить уровень и тип адаптации эмигрантов к новой социокультурной среде.

Среди типов адаптации личности к новой социокультурной среде с точки зрения успешности Л.В. Янковский выделяет следующие: адаптивный, конформный, интерактивный, депрессивный, ностальгический, отчужденный.

По каждой шкале баллы суммируются и определяется уровень адаптации:

– высокий – сумма баллов превышает 12,

– средний – от 6 до 12,

– низкий – менее 6 баллов.

Далее определяется преобладающий тип адаптации из шести возможных вариантов: адаптивный, конформный, интерактивный, депрессивный, ностальгический и отчужденный.

Интерпретация результатов теста

1. Шкала адаптивности

Высокие оценки свидетельствуют о личной удовлетворенности; положительном отношении к окружающим и принятии их; чувстве социальной и физической защищенности; чувстве принадлежности к данному обществу и сопричастности с ним. Для эмигрантов характерны: стремление к самореализации; высокий уровень активности; уверенность в отношениях с другими; планирование своего будущего, основанное на собственных возможностях и прошлом опыте.

2. Шкала конформности

Высокие оценки означают: стремление при любых условиях поддерживать отношения с людьми; ориентацию на социальное одобрение; зависимость от группы; потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми; принятие системы/ ценностей и норм поведения данной среды. Поведение эмигрантов формируется под воздействием ожиданий группы в зависимости от степени заинтересованности в достижениях своих целей и от предполагаемого вознаграждения.

3. Шкала интерактивности

Высокие оценки соответствуют: принятию данной среды; активному вхождению в эту среду; настроенности на расширение социальных связей; чувству уверенности в своих возможностях; критичности к собственному поведению; готовности к самопреобразованию; желанию реализовать себя путем достижения материальной независимости; направленности на сотрудничество с другими; контроль над собственным поведением с учетом социальных норм, ролей и социальных установок данного общества; направленности на определенную цель и подчинению себя этой цели.

4. Шкала депрессивности

Высокие оценки говорят о дисгармонии личности. Весь мир для такого эмигранта окрашивается в мрачные тона и воспринимается как лишенный смысла и ценностей. Это сопровождается: невозможностью реализовать свой уровень ожиданий, связанный с социальной и профессиональной позицией; пониженной самооценкой; беспомощностью перед жизненными трудностями, сочетающейся с чувством бесперспективности; чувством вины за прошлые события; сомнением, тревогой относительно социальной идентичности; нереализацией собственных способностей, связанной с неприятием себя и других; чувствами подавленности, опустошенности, изолированности.

5. Шкала ностальгии

Высокие оценки означают: потерю связи с культурой, сопричастности с ней; внутреннее расстройство и смятение, проистекающее из-за чувства разъединенности с традиционными ценностями и нормативами и невозможности обрести новые; неприютность, ощущение того, что человек «не на своем месте». Эмоциональное состояние таких эмигрантов характеризуется мечтательностью, тоской, меланхолией, опустошенностью.

6. Шкала отчужденности

Высокие оценки соответствуют: утверждению норм, установок и ценностей данного общества; неприятию нового социума; низкой самооценке; несогласованию притязаний и реальных возможностей; озабоченности своей идентичностью и своим статусом; влиянию внешнего контроля на общее неприятие себя и других; убежденности, что собственные усилия могут лишь в незначительной степени повлиять на ситуацию. Для таких эмигрантов характерны беспокойство по поводу неспособности удовлетворить свои потребности, паника, беспомощность, ощущение покинутости, нетерпеливость.

2. Методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана (модификация В.В. Бойко)

Социальная фрустрированность - вид (форма) психического напряжения, обусловленного неудовлетворенностью достижениями и положением личности в социально заданных иерархиях. Социальная фрустрированность передает эмоциональное отношение человека к позициям, которые он сумел занять в обществе на данный момент своей жизни.

Методика представляет собой опросник, который фиксирует степень неудовлетворенности социальными достижениями в основных аспектах жизнедеятельности.

Выводы об уровне социальной фрустрированности делаются с учетом величины балла (среднего балла) по каждому пункту. Чем больше балл, тем выше уровень социальной фрустрированности:

3,5 - 4 балла: очень высокий уровень фрустрированности;

3,0 - 3,4: повышенный уровень фрустрированности;

2,5 - 2,9: умеренный уровень фрустрированности;

2,0 - 2,4; неопределенный уровень фрустрированности;

1,5 - 1,9: пониженный уровень фрустрированности;

0,5 - 1,4: очень низкий уровень;

0 - 0,5: отсутствие (почти отсутствие) фрустрированности.

3. Анкета «Социальное благополучие» Мельниковой Н.Н.

Анкета состоит из 28 вопросов, направленных на выявление формальной информации о таких характеристиках испытуемого, как его профессиональный статус, уровень дохода, условия труда, семейное положение, бытовая обустроенность, формы проведения досуга.

В общей структуре анкеты СБ четыре шкалы.

Шкала 1. «Статус, доход» содержит вопросы, касающиеся таких характеристик, как уровень образования, занимаемая должность, престижность профессии и ежемесячный заработок.

Шкала 2. «Уровень жизни» объединяет вопросы, отражающие возможности человека пользоваться различными социальными благами, которые требуют материальных вложений. Здесь оцениваются особенности

проведения отпуска и досуга, возможности затрат на питание, культурные и оздоровительные мероприятия.

Шкала 3. «Условия труда» включает вопросы, позволяющие получить информацию о продолжительности рабочего дня и отпуска, сверхурочных нагрузках, наличии факторов, осложняющих работу (например, таких, как шум, запылённость, химические агенты и др.).

Шкала 4. «Семейная обустроенность» касается таких вопросов, как семейное положение, наличие детей, жилищные условия и др.

Полученные сырые баллы переводятся в стандартные оценки и сырые результаты, полученные по отдельным шкалам.

1–3 станайна трактуются как показатели ниже среднего;

4–6 станайнов – средний уровень;

7–9 станайнов – выше среднего.

2.2. Анализ результатов эмпирического исследования социальной адаптации русскоязычных мигрантов

Проведение исследования позволило получить следующие результаты исследования социальной адаптации мигрантов из Кыргызстана и Украины.

Проведение исследования по методике адаптации личности к новой социокультурной среде А.В. Янковского позволили определить преобладающий тип адаптации к новой социокультурной среде: адаптивный, конформный, интерактивный, депрессивный, ностальгический и отчужденный.

Основные результаты (среднее – M . и ошибка среднего – m) в двух исследуемых группах русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана представлены в таблице 1.

Таблица 1

Интегральные показатели типа адаптации к новой социокультурной среде русскоязычных мигрантов из Кыргызстана и Украины

тип адаптации	мигранты из Украины	мигранты из Кыргызстана	уровень различий по U-критерию
адаптивный	7,2 ± 0,31	8,2 ± 1,23	
конформный	12,1 ± 0,24	10,8 ± 0,72	p ≤ 0,05
интерактивный	9,3 ± 0,16	7,5 ± 0,49	p ≤ 0,05
депрессивный	2,9 ± 1,04	3,0 ± 0,73	
ностальгический	7,6 ± 0,27	11,4 ± 1,08	p ≤ 0,01
отчужденный	3,0 ± 0,20	4,4 ± 0,43	

Рассмотрим результаты исследования в группе русскоязычных мигрантов из Украины.

– показатель по шкале адаптивности ($7,2 \pm 0,31$) свидетельствует о преобладании среднего уровня адаптивного типа адаптации. Средние оценки свидетельствуют о частичной удовлетворенности; избирательном отношении к окружающим; чувство принадлежности к данному обществу и сопричастности с ним выражено в умеренной степени. Мигранты из Украины проявляют умеренную активность; частичную уверенность в отношениях с другими; не всегда планируют свое будущее, основанное на собственных возможностях и прошлом опыте.

– показатель по шкале «конформность» - $12,1 \pm 0,24$ свидетельствует о высоком уровне конформного типа адаптации к социальной среде. Русскоязычные украинцы стремятся поддерживать отношения с людьми; ориентируются на социальное одобрение; зависимы от группы; испытывают потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми; желают принять систему ценностей и норм поведения данной среды. Поведение эмигрантов формируется под воздействием ожиданий группы в зависимости от степени заинтересованности в достижениях своих целей и от предполагаемого вознаграждения.

– показатель по шкале «интерактивность» $9,3 \pm 0,16$ свидетельствует о средних показателях интерактивного типа адаптации. Русскоязычные украинцы принимают социальную среду, умеренное вхождение в эту среду; умеренно выражена настроенность на расширение социальных связей; не

всегда уверены в своих возможностях; частично готовы к самопреобразованию; ситуативный или поверхностный контроль над собственным поведением с учетом социальных норм, ролей и социальных установок данного общества.

– показатель по шкале «депрессивность» $2,9 \pm 1,04$ свидетельствует о незначимости депрессивного типа адаптации русскоязычных мигрантов. Для них не свойственна вина за вины за прошлые события; Русскоязычные мигранты уверены в собственных способностей, связанных с неприятием себя и других; не испытывают чувство подавленности, опустошенности, изолированности.

– по шкале «ностальгия» показатель $7,6 \pm 0,27$ свидетельствует, что русскоязычные мигранты из Украины испытывают некоторое внутреннее расстройство и смятение, проистекающее из-за чувства разъединенности с традиционными ценностями и нормативами и невозможности обрести новые; в различных ситуациях могут иногда ощущать себя «не на своем месте».

– по шкале «отчужденность» показатель $3,0 \pm 0,20$ свидетельствует о принятии нового социума; достаточно высокой самооценке, не испытывают беспокойства и озабоченности своей идентичностью и своим статусом; не испытывают беспокойство по поводу неспособности удовлетворить свои потребности.

Таким образом, в группе русскоязычных мигрантов из Украины доминирование типов адаптации расположилось в следующем порядке:

1. Конформный тип адаптации к новой социокультурной среде;
2. Интерактивный тип адаптации к новой социокультурной среде;
3. Ностальгический тип адаптации к новой социокультурной среде.

Рассмотрим результаты исследования типа адаптации к новой социокультурной среде в группе русскоязычных мигрантов из Кыргызстана

- показатель по шкале адаптивности ($8,2 \pm 1,23$) свидетельствует о преобладании среднего уровня адаптивного типа адаптации. Средние оценки свидетельствуют о частичной удовлетворенности; избирательном отношении

к окружающим; чувство принадлежности к данному обществу и сопричастности с ним выражено в умеренной степени. Мигранты из Кыргызстана проявляют умеренную активность; частичную уверенность в отношениях с другими; не всегда планируют свое будущее, основанное на собственных возможностях и прошлом опыте.

- показатель по шкале «конформность» - $10,8 \pm 0,72$ свидетельствует о среднем уровне конформного типа адаптации к социальной среде.

Русскоязычные мигранты из Кыргызстана стремятся поддерживать отношения с людьми в зависимости от ситуации; ориентируются на социальное одобрение; в умеренной степени зависимы от группы; испытывают слабо выраженную потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми; желают частично принять систему ценностей и норм поведения данной среды.

- показатель по шкале «интерактивность» $7,5 \pm 0,49$ свидетельствует о средних показателях интерактивного типа адаптации. Русскоязычные мигранты из Кыргызстана принимают социальную среду, умеренное вхождение в эту среду; умеренно выражена настроенность на расширение социальных связей; не всегда уверены в своих возможностях; частично готовы к самопреобразованию; ситуативный или поверхностный контроль над собственным поведением с учетом социальных норм, ролей и социальных установок данного общества.

- показатель по шкале «депрессивность» $3,0 \pm 0,73$ свидетельствует о незначимости депрессивного типа адаптации русскоязычных мигрантов.

- по шкале «ностальгия» показатель $11,4 \pm 1,08$ свидетельствует, что русскоязычные мигранты из Кыргызстана испытывают некоторое внутреннее расстройство и смятение, проистекающее из-за чувства разъединенности с традиционными ценностями и нормативами и невозможности обрести новые; в различных ситуациях могут иногда ощущать себя «не на своем месте».

- по шкале «отчужденность» показатель $4,4 \pm 0,43$ свидетельствует о принятии нового социума; достаточно высокой самооценке, не испытывают

беспокойства и озабоченности своей идентичностью и своим статусом; не испытывают беспокойство по поводу неспособности удовлетворить свои потребности.

Таким образом, типы адаптации русскоязычных мигрантов из Кыргызстана распределились следующим образом:

1. Ностальгический тип адаптации к новой социокультурной среде;
2. Конформный тип адаптации к новой социокультурной среде;
3. Интерактивный тип адаптации к новой социокультурной среде.

С целью выявления особенностей типа адаптации к социокультурной среде необходимо провести сравнительный анализ. Наглядно типы адаптации к социокультурной среде в группах русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана представлены на рис.1.

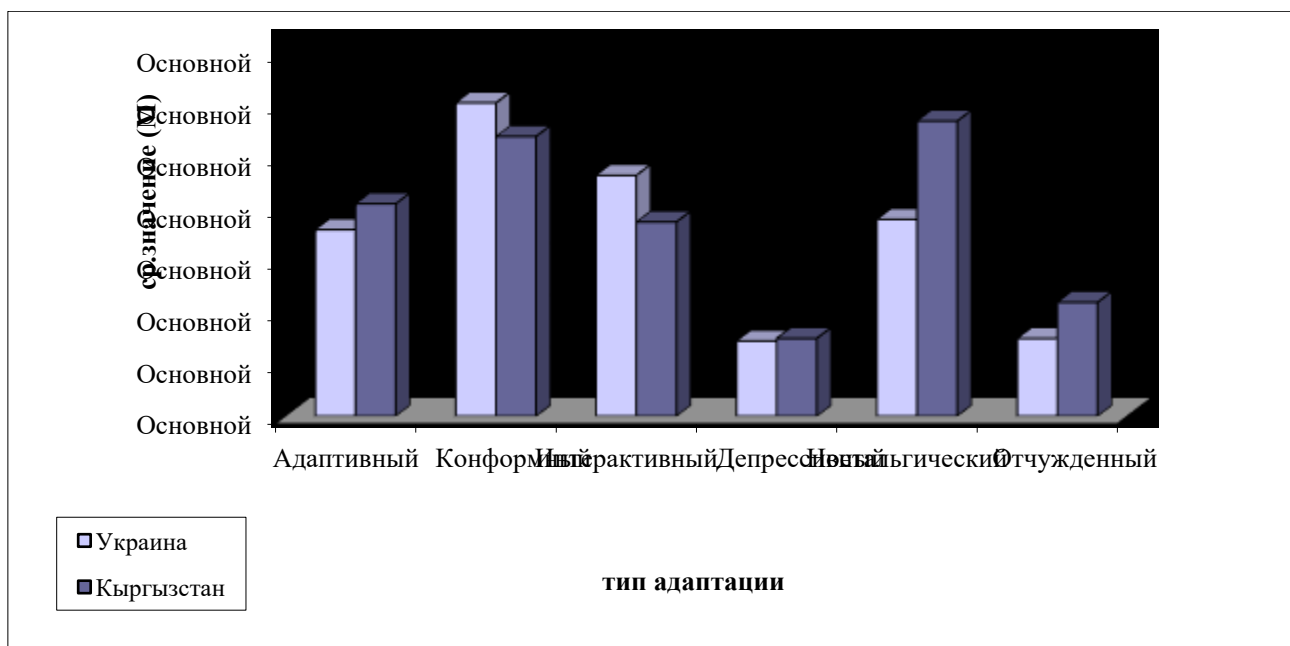

Рис.1. Типы адаптации к новой социокультурной русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью U-критерия Манна-Уитни. Между двумя группами русскоязычных мигрантов выявлены статистически значимые различия по типам адаптации: «конформный» на уровне $p \leq 0,05$, «интерактивный» на уровне $p \leq 0,05$, «ностальгический» на уровне $p \leq 0,01$.

Следовательно, в группе мигрантов из Украины в большей степени представлен конформный тип адаптации к социальной среде. Русскоязычные мигранты из Украины в большей степени стремятся поддерживать отношения с людьми; ориентируются на социальное одобрение и в большей степени зависимы от группы; желают принять систему ценностей и норм поведения данной среды, в сравнении с мигрантами из Кыргызстана, у которых конформный тип адаптации представлен в меньшей степени.

Русскоязычные мигранты из Украины в большей степени принимают социальную среду и входят в эту среду; умеренно выражена настроенность на расширение социальных связей; в большей степени готовы к самопреобразованию; осуществляют больший контроль над собственным поведением с учетом социальных норм, ролей и социальных установок данного общества, в сравнении с мигрантами из Кыргызстана.

Русскоязычные мигранты из Кыргызстана в большей степени испытывают некоторое внутреннее расстройство и смятение, проистекающее из-за чувства разъединенности с традиционными ценностями и нормативами и невозможности обрести новые; в большей степени различных ситуациях могут иногда ощущать себя «не на своем месте».

Рассмотрим результаты исследования социальной фрустрированности мигрантов из Украины и Кыргызстана, полученные по методике Л.И. Вассермана в модификации В.В. Бойко. Уровни социальной фрустрированности русскоязычных мигрантов представлены в таблице 2:

Таблица 2

Уровень социальной фрустрированности русскоязычных мигрантов из
Украины и Кыргызстана

уровень социальной фрустрированности	мигранты из Украины	мигранты из Кыргызстана
--------------------------------------	---------------------	-------------------------

очень низкий	-	-
пониженный	10%	15%
умеренный	35%	55%
повышенный	50%	30%
очень высокий	5%	-

Рассмотрим основные результаты социальной фрустрированности в группе русскоязычных мигрантов из Украины. Наглядно особенности ее проявления представлены на рис.2.

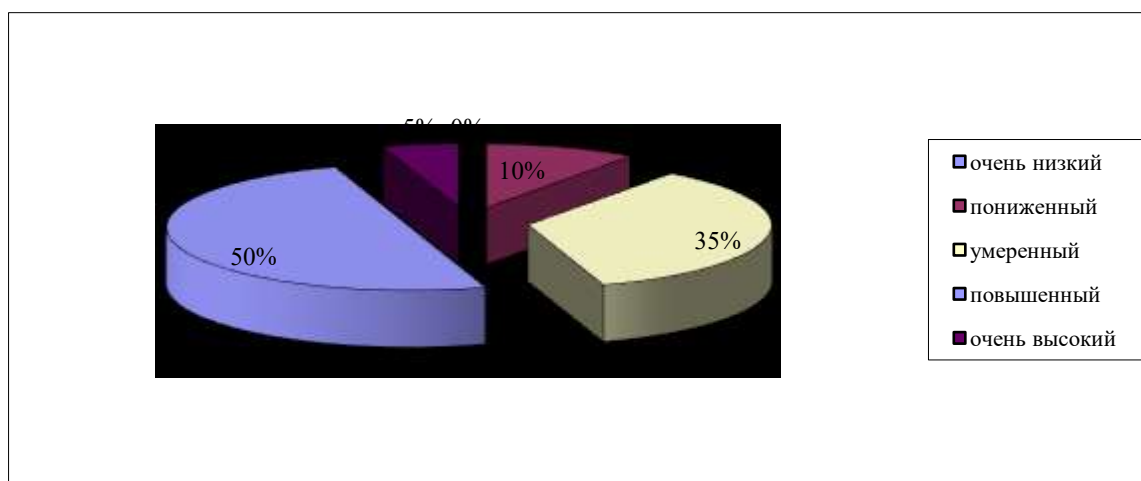

Рис. 2. Уровень социальной фрустрированности русскоязычных мигрантов из Украины.

Половина мигрантов имеют повышенный уровень социальной фрустрированности, данная группа мигрантов испытывает повышенное психическое напряжение, обусловленного неудовлетворенностью достижениями и положением личности мигранта из Украины в социально заданных иерархиях.

В умеренной степени переживают психическое напряжение, обусловленного неудовлетворенностью достижениями и положением личности мигранта в социально заданных иерархиях 35% мигрантов. Очень высокий уровень социально фрустрированности, который характеризуется высоким психическим напряжением, имеют 5% мигрантов из Украины. Пониженный уровень социальной фрустрированности имеют 10% мигрантов.

Рассмотрим результаты исследования в группе русскоязычных мигрантов из Кыргызстана.

Преобладающим уровнем в данной группе мигрантов является умеренный уровень социальной фрустрированности, т.е. большинство мигрантов (55% мигрантов) в умеренной степени переживают психическое напряжение, связанное с неудовлетворенностью достижениями.

Повышенное психическое напряжение, обусловленное неудовлетворенностью достижениями и положением личности мигранта из Кыргызстана в социально заданных иерархиях выявлено у 30% мигрантов, не испытывают напряжения 15% мигрантов. Представленные особенности социальной фрустрированности русскоязычных мигрантов из Кыргызстана подтверждаются данными, наглядно представленными на рис.3

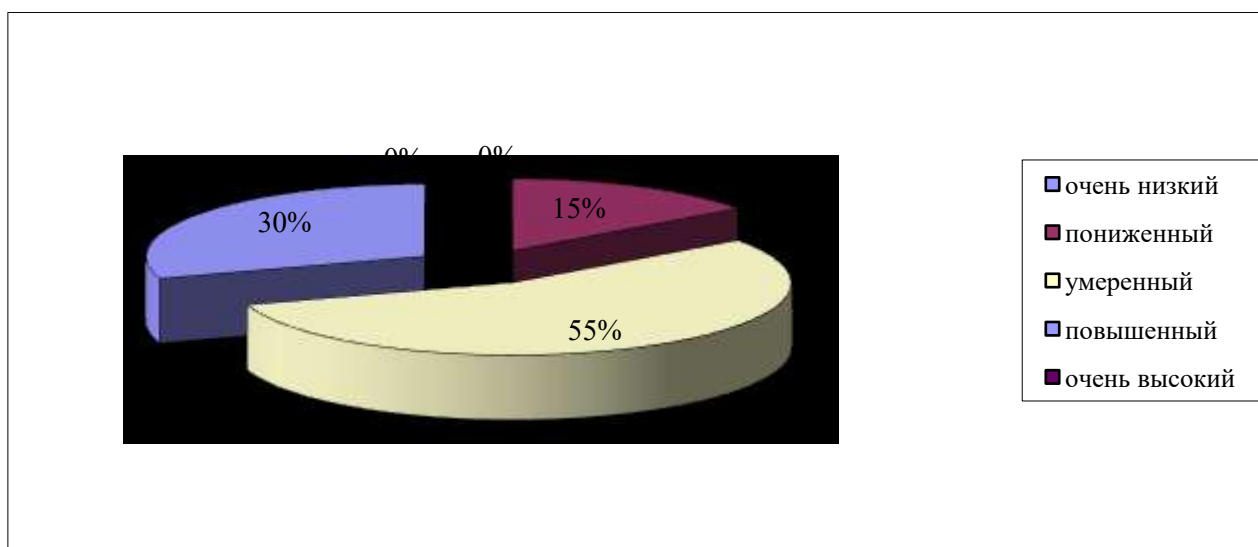

Рис.3. Уровень социальной фрустрированности русскоязычных мигрантов из Кыргызстана.

Проведем сравнительный анализ социальной фрустрированности в группах русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана.

Наглядно различия социальной фрустрированности в исследуемых группах русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана представлены на рис. 4

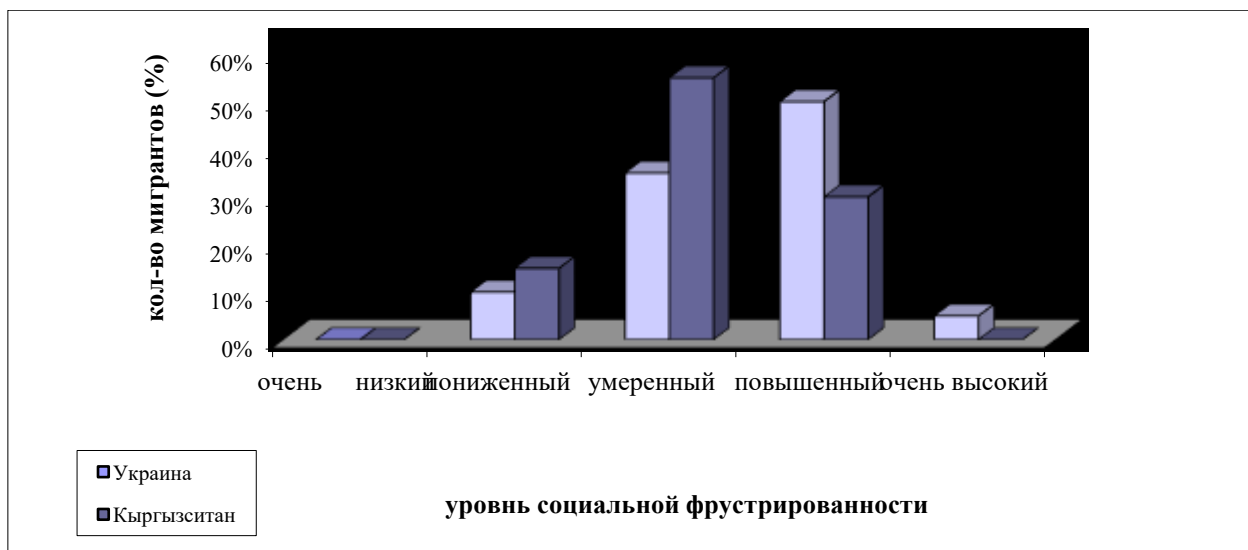

Рис.4. Уровень социальной фрустрированности русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана.

Проведение сравнительного анализа социальной фрустрированности русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана свидетельствует, что мигранты из Украины имеют более высокий уровень социальной фрустрированности, чем мигранты из Кыргызстана. Так, показатель повышенного и оч. высокого уровня социальной фрустрированности в группе мигрантов из Украины в совокупности составляет 55%, в группе мигрантов из Кыргызстана – 30%.

Таким образом, русскоязычные мигранты из Украины испытывают более высокое психическое напряжение, обусловленное неудовлетворенностью достижениями и положением личности в социально заданных иерархиях, чем русскоязычные мигранты из Кыргызстана.

Полученные значения получены по бальной шкале, поэтому с целью определения значимости различий в группах русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана по параметру «социальная фрустрированности» У-критерий Манна-Уитни. Полученное значение $U_{эмп.} = 150,5$ находится в зоне значимости, поэтому различия по данному параметру в двух группах русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана являются статистически достоверными.

Рассмотрим результаты исследования социального благополучия русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана, полученные по методике «Социальное благополучие» Мельниковой Н.Н. Основные результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Показатели социального благополучия русскоязычных мигрантов из Кыргызстана и Украины

шкала	мигранты из Украины	мигранты из Кыргызстана	уровень различий по U-критерию
статус, доход	$3,7 \pm 0,22$	$5,2 \pm 0,71$	
уровень жизни	$4,0 \pm 0,71$	$7,1 \pm 0,61$	$p \leq 0,05$
условия труда	$6,6 \pm 0,27$	$3,9 \pm 0,23$	$p \leq 0,05$
семейная обустроенность	$8,3 \pm 0,37$	$7,2 \pm 0,72$	
общий уровень социального благополучия	$5,7 \pm 1,13$	$5,8 \pm 1,01$	

Рассмотрим результаты исследования в группе русскоязычных мигрантов из Украины.

Уровень социального благополучия русскоязычных мигрантов из Украины по шкале «статус, доход» находится на уровне ниже среднего (показатель $3,7 \pm 0,22$), следовательно, можно сделать вывод, что мигранты из Украины неудовлетворенны своим статусом (по таким характеристикам, как уровень образования, занимаемая должность, престижность профессии) и материальным доходом (ежемесячным заработком).

Уровень социального благополучия русскоязычных мигрантов из Украины по шкале «уровень жизни» находится в пределах среднего уровня (показатель $4,0 \pm 0,71$), таким образом, мигранты из Украины частично удовлетворены своими возможностями пользоваться различными социальными благами, которые требуют материальных вложений (отпуск и досуга, возможности затрат на питание, культурные и оздоровительные мероприятия).

Показатель по шкале «Условия труда» в $6,6 \pm 0,27$ свидетельствует о среднем уровне социального благополучия мигрантов из Украины в сфере трудовой занятости и условий труда: о продолжительности рабочего дня и отпуска, сверхурочных нагрузках, наличии факторов, осложняющих работу.

По шкале «Семейная обустроенность» в группе мигрантов из Украины показатель $8,3 \pm 0,37$ свидетельствует о высоком социальном благополучии по параметру семейной обустроенности по вопросам: семейное положение, наличие детей, жилищные условия и др.

Показатель общего уровня социального благополучия русскоязычных мигрантов из Украины ($5,7 \pm 1,13$) свидетельствует о среднем уровне социального благополучия. Таким образом, русскоязычные мигранты из Украины частично удовлетворены своим статусом, доходом, условиями труда и семейной обустроенностью.

Рассмотрим результаты социального благополучия в группе русскоязычных мигрантов из Кыргызстана.

Уровень социального благополучия русскоязычных мигрантов из Кыргызстана по шкале «статус, доход» находится на среднем уровне (показатель $5,2 \pm 0,71$). Следовательно, можно сделать вывод, что мигранты из Кыргызстана достаточно удовлетворены своим социальным статусом (по таким характеристикам, как уровень образования, занимаемая должность, престижность профессии) и материальным доходом (ежемесячным заработком).

Уровень социального благополучия русскоязычных мигрантов из Кыргызстана по шкале «уровень жизни» находится представлено как выше среднего (показатель $7,1 \pm 0,61$), таким образом, мигранты кыргызы удовлетворены своими возможностями пользоваться различными социальными благами, которые требуют материальных вложений (отпуск и досуга, возможности затрат на питание, культурные и оздоровительные мероприятия).

Мигранты из Кыргызстана не удовлетворены условиями своей трудовой деятельности, о чем свидетельствует показатель $3,9 \pm 0,23$. Мигранты кыргызы недовольны продолжительностью рабочего дня и отпуска, сверхурочными нагрузками, факторами, осложняющих работу.

По шкале «Семейная обустроенность» в группе мигрантов из Кыргызстана показатель $7,2 \pm 0,72$ свидетельствует о высоком социальном благополучии по параметру семейной обустроенности по вопросам: семейное положение, наличие детей, жилищные условия и др.

Показатель общего уровня социального благополучия русскоязычных мигрантов из Кыргызстана ($5,7 \pm 1,13$) свидетельствует о среднем уровне социального благополучия. Таким образом, русскоязычные мигранты из Кыргызстана частично удовлетворены своим статусом, доходом, условиями труда и семейной обустроенностью.

Проведем сравнительный анализ социального благополучия русскоязычных мигрантов из Кыргызстана и Украины по основным показателям. Основные различия социального благополучия в различных сферах жизнедеятельности мигрантов представлены на рис. 5.

Рис.4. Показатели социального благополучия русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана.

По шкале «статус, доход» показатель в группе мигрантов из Кыргызстана ($5,2 \pm 0,71$), который соответствует среднему уровню благополучия выше показателя в группе мигрантов из Украины ($3,7 \pm 0,22$), который соответствует уровню ниже среднего. Таким образом, мигранты из Кыргызстана в большей степени удовлетворены своим социальным статусом по таким характеристикам, как уровень образования, занимаемая должность, престижность профессии и ежемесячный заработок.

Но данные различия по U-критерию Манна Уитни не является статистически достоверным.

Проведение сравнительного анализа по шкале «уровень жизни» в двух группа русскоязычных мигрантов позволяет сделать вывод, что мигранты из Кыргызстана в большей степени удовлетворены уровнем жизни (показатель в группе мигрантов кыргызов выше чем в группе мигрантов украинцев на 2,7). Следовательно, мигранты из Кыргызстана имеют более высокий уровень социального благополучия и удовлетворения своими возможностями пользоваться различными социальными благами, которые требуют материальных вложений (отпуск и досуга, возможности затрат на питание, культурные и оздоровительные мероприятия), чем мигранты из Украины.

Проведение сравнительного анализа по шкале «Условия труда» свидетельствуют о более высоком социальном удовлетворении в группе мигрантов из Украины, чем мигрантов из Кыргызстана. Показатель в группе мигрантов украинцев находится в зоне среднего уровня ($6,6 \pm 0,27$), показатель в группе мигрантов кыргызов - в зоне уровня ниже среднего ($3,9 \pm 0,23$). Таким образом, можно сделать вывод, что мигранты из Украины в большей степени удовлетворены в сфере трудовой занятости и условий труда: продолжительностью рабочего дня и отпуска, сверхурочными нагрузками, факторами, осложняющих работу.

Данные различия являются статистически достоверными по U-критерию Манна-Уитни на уровне $p \leq 0,05$.

Проведение сравнительного анализа в двух группах русскоязычным мигрантов из Украины и Кыргызстана свидетельствуют об отсутствии различий, русскоязычные мигранты украинцы и киргизы имеют высокий уровень социального благополучия (показатели $8,3 \pm 0,37$ и $7,2 \pm 0,72$ соответственно) в сфере семейной обустроенности по вопросам: семейное положение, наличие детей, жилищные условия и др.

Различия не являются статистически достоверными по U-критерию Манна-Уитни.

Сравнение показателей общего уровня социальной удовлетворенности свидетельствует, что русскоязычные мигранты из Кыргызстана и Украины имеют схожие показатели общего социального благополучия (показатели мигрантов из Украины - $5,7 \pm 1,13$, из Кыргызстана - $5,8 \pm 1,01$). Таким образом, русскоязычные мигранты не зависимо от страны прибытия частично удовлетворены своим статусом, доходом, условия труда и семейной обустроенностью.

Таким образом, в ходе эмпирического исследования были выявлены следующие особенности социальной адаптации русскоязычных мигрантов из Украины:

- преобладающими типами адаптации к новой социокультурной среде являются конформный, интерактивный, ностальгический типы.

- имеют повышенный уровень социальной фрустрированности, испытывают более высокое психическое напряжение, обусловленное неудовлетворенностью достижениями и положением личности в социально заданных иерархиях,

- уровень социального благополучия по шкалам «уровень жизни», «условия труда» находится в пределах среднего уровня, по шкале «статус, доход» - на уровне ниже среднего, по шкале «семейная обустроенность» - на высоком уровне. Показатель общего уровня социального благополучия русскоязычных мигрантов из Украины свидетельствует о среднем уровне.

Таким образом, в ходе эмпирического исследования были выявлены следующие особенности социальной адаптации русскоязычных мигрантов из Кыргызстана:

– преобладающими типами адаптации к новой социокультурной среде являются ностальгический, конформный, интерактивный типы.

– преобладающим уровнем в данной группе мигрантов является умеренный уровень социальной фрустрированности, т.е. большинство мигрантов в умеренной степени переживают психическое напряжение, связанное с неудовлетворенностью достижениями.

– социальное благополучие на более высоком уровне представлено по шкале «семейная обустроенность» и «уровень жизни», на среднем уровне – по шкале «статус, доход», в меньшей степени удовлетворены условиями своей трудовой деятельности. Показатель общего уровня социального благополучия русскоязычных мигрантов из Кыргызстана свидетельствует о среднем уровне.

2.3. Методические рекомендации специалистам, работающими с русскоязычными мигрантами из Украины и Кыргызстана

В 50-е годы XX века М. Форверг разработал новый метод, основой которого были ролевые игры с элементами драматизации и который был назван социально-психологическим тренингом. Его цели — овладение психологическими знаниями, формирование умений и навыков в сфере общения, развитие способности адекватного и полного познания себя, других людей [3].

Многие исследователи считают социальную поддержку одним из ключевых моментов в сохранении и поддержании психического здоровья, способствующей смягчить тяжелые удары судьбы и с меньшими тратами пережить кризисную жизненную ситуацию.

Гипотеза о положительном воздействии межличностных отношений на психическое здоровье и успешность адаптации мигрантов получила название

«буферной». В рамках этой гипотезы утверждается, что доступность межличностных связей, разнообразие и увеличение числа позитивных контактов, а также интенсивность взаимоотношений напрямую связаны с ростом благополучия и уменьшением вероятности соматических и психических заболеваний [5].

Социальная поддержка снижает воздействие тяжелых ситуаций на психическое здоровье личности, способствуя росту самооценки и уверенности в себе, предотвращая депрессию и тревожность и делая человека менее восприимчивым к стрессовым воздействиям [1].

Выделяют следующие виды социальной поддержки: эмоциональная, мотивационная, инструментальная (помощь в поведении) и информационная (обеспечение информацией) [8].

Правильно организованное психологическое сопровождение соотечественников помогает смягчить возникающие трудности в адаптации, а также способствует более успешной интеграции в российскую культуру.

Цикл занятий состоял из четырех встреч по три часа каждая.

Целью тренинга является содействие (помощь) в социальной адаптации русскоязычному населению из Украины и Кыргызстана.

Задачи:

- научить открытому выражению собственных чувств;
- научить определять ценности и цели, которые они могут реализовать в новых условиях жизни;
- осознать свои проблемы в групповой работе и попытаться найти решение этих проблем;
- обучить основным способам регуляции психического состояния, релаксации;
- повысить уровень толерантности.

Методы и формы работы: дискуссионные методы работы, в частности групповая дискуссия, беседа; игровые методы; упражнения по межличностной коммуникации; методы самовыражения (в рисунке, в создании образа).

Схема традиционного тренингового занятия выглядела следующим образом: приветствие (ритуал), опрос самочувствия, предложение темы занятия, теоретический материал (притча), разминочные упражнения, основная рабочая часть, подведение итогов занятия, резюме ведущего (притча), прощание (ритуал).

Краткое содержание предлагаемого тренинга:

День 1. «Разрешите представиться»

Цель: Ознакомление с задачами и правилами группы. Создание дружелюбного и безопасного настроения, демонстрация открытого стиля общения, создание предпосылок для возникновения и развития межличностных отношений.

Упражнения:

«Поиск общего»

Цель: познакомить группу, направлено на сплочение группы.

«Снежный ком».

Цель: развитие умения понимать другого, снижение тревожности и повышение уровня безопасности.

«Веселое приветствие»

Цель: демонстрация демократического и безопасного стиля общения.

Разминка

Игра «Ветер дует на ...»

Цель: получить больше информации друг о друге.

«Похвастайся соседом»

Цель: развитие навыков общения, внимания, наблюдательности, умения выражать словами симпатию другому человеку.

«Волшебное превращение»

Цель: творческое самовыражение и умение взаимодействовать с окружающими, развитие навыков взаимопонимания и чувствование настроения другого.

Рефлексия.

Цель: формирование навыка открытого общения, навыка разговора о чувствах.

Участники по кругу характеризуют настроение, обмениваются мнениями и чувствами о проведенном занятии (понравилось — не понравилось, что показалось самым важным и полезным, что чувствовали, какие мысли приходили в голову и т.д.).

День 2. Как научиться эффективно общаться

Цель: научить эффективно, приятно и гармоничному взаимодействию с окружающими людьми и с самим с собой

Упражнения:

– «Комплименты». Цель: создать позитивную атмосферу в группе, повысить самооценку участников.

– «Антонимы». Цель: способствовать самоанализу, развитие самопознания.

– «Я великий мастер». Цель: осознание сильных сторон своей личности.

«Леопольд». Цель: развить умение находить подход к людям.

Материалы: карточки с кличками котов.

«Рассказ». Цель: показать участникам важность активного слушания, важность задавания уточняющих вопросов.

«Мечта». Цель: отработка коммуникативных умений и навыков, развитие умения и навыков аргументирования, упорства в отстаивании своей точки зрения.

«Общественная работа» Цель: сплочение группы, единение участников и самовыражение.

«Знаменитости». Цель: упражнение тренирует коммуникативные навыки, умение задавать вопросы, невербальную коммуникацию, умение разрешать проблемы.

«Маска» Цель: проиграть сложившиеся у каждого участника социальные роли и посмотреть со стороны на особенности своего стиля поведения

Рефлексия. Цель: формирование навыка открытого общения, навыка разговора о чувствах.

День 3. Принимающая сторона: вопросы толерантности

Цели:

– показать масштабы и опасность проявлений нетерпимости между народами и культурами;

– дать возможность осознать причины и следствия непонимания, возникающего в результате взаимодействия человека с представителями других культур:

– развить социальное воображение и социальную перцепцию, сформировать навыки и установки, необходимые для успешного взаимодействия с представителями другой культуры, людьми, исповедующими другие взгляды, помочь осознать многообразие культур.

Разминка.

– Упражнение «Угадай цвет по жесту» Цель: развитие невербальной экспрессии.

– Упражнение «Карта нетерпимости» Цели:

– показать, насколько широко распространена интолерантность в мире и как она опасна;

– стимулировать у старшеклассников заинтересованность в поисках путей выхода из глобальных конфликтов.

– Упражнение «Групповая картинка»

Цели: осознание стереотипов поведения различных групп; активизация, повышение настроения у участников группы.

– Упражнение «Паутина предрассудков»

Цели: показать, как себя чувствует человек, являющийся объектом стереотипов и предрассудков; дать мигрантам возможность научиться оказывать поддержку человеку, чувствуящему себя униженным.

Игра «Карамбия»

Цели: предоставить подросткам возможность понять и почувствовать, каковы причины и следствия межкультурного непонимания; помочь осознать, что успешное общение с представителями другой культуры невозможно без знания ее норм и правил.

Рефлексия занятия.

Цель: расслабление, борьба со специфическими страхами и тревогами.

День 4. Завершение

Цели: совместное обсуждение результатов тренинга; получение обратной связи от группы; подведение итогов, прощание с участниками тренинга. Упражнения:

– «Общий ритм» Цель упражнения: разминка, настройка групповой динамики.

– «Мотивация» Цель: развитие умения понимать и влиять на групповые процессы.

– «Социометрическая рефлексия» Цель: выявление места в группе каждого из участников, копилка мнений о себе или обратная связь для каждого.

– «Вспомнить все» Цель: формирование умения задавать вопросы, слушать ответы, развитие навыков рефлексии.

– Упражнение «Круг «обратной связи»» Цель: получение обратной связи от группы, обмен чувствами и впечатлениями.

– Упражнение «Поэма о «новой» своей культуре» Цель: обобщение полученного опыта, обратная связь о тренинге.

Процедура проведения.

I вариант. Все участники получают по листу бумаги и фломастеру. Каждый участник пишет на своем листе короткую строчку, с которой будет начинаться поэма. Ведущий собирает у участников их листочки и зачитывает их один за другим как поэму.

II вариант. Каждый участник пишет свою строчку, потом передает листок соседу слева, и тот дописывает свою строчку, продолжающую поэму.

После того как каждый напишет по одной строчке на листе, законченная поэма возвращается ведущему.

Поэму можно размножить и раздать всем участникам тренинга.

Правильно организованная психологическая помощь соотечественникам способна смягчить возникающие сложности социальной адаптации. Изменения, которые происходят с личностью в процессе предложенного тренинга, помогают соотечественникам лучше понять и принять другого, повысить самооценку, уверенность в себе, изменить в положительную сторону искаженное восприятие окружающих людей.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Исследование адаптации личности к новой социокультурной среде выявило следующие статистически значимые различия по типам адаптации: «конформный» на уровне $p \leq 0,05$, «интерактивный» на уровне $p \leq 0,05$, «ностальгический» на уровне $p \leq 0,01$.

В группе мигрантов из Украины в большей степени представлен конформный тип адаптации. Русскоязычные мигранты из Украины в большей степени принимают социальную среду и входят в эту среду. Русскоязычные мигранты из Кыргызстана в большей степени испытывают некоторое внутреннее расстройство и смятение.

Мигранты из Украины имеют более высокий уровень социальной фрустрированности, чем мигранты из Кыргызстана. Так, показатель повышенного и оч. высокого уровня социальной фрустрированности в группе мигрантов из Украины в совокупности составляет 55%, в группе мигрантов из Кыргызстана – 30%. Различия по данному параметру в двух группах русскоязычных мигрантов из Украины и Кыргызстана являются статистически достоверными.

Исследование социального благополучия по методике Мельниковой получены следующие результаты:

Проведение сравнительного анализа по шкале «уровень жизни» в двух группах русскоязычных мигрантов позволяет сделать вывод, что мигранты из Кыргызстана в большей степени удовлетворены уровнем жизни, своим социальным статусом по таким характеристикам, как уровень образования, занимаемая должность, престижность профессии и ежемесячный заработок.

Мигранты из Украины в большей степени удовлетворены в сфере трудовой занятости и условий труда: продолжительностью рабочего дня и отпуска, сверхурочными нагрузками, факторами, осложняющих работу.

Сравнение показателей общего уровня социальной удовлетворенности свидетельствует, что русскоязычные мигранты из Кыргызстана и Украины

имеют схожие показатели общего социального благополучия русскоязычные мигранты не зависимо от страны прибытия частично удовлетворены своим статусом, доходом, условия труда и семейной обустроенностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия на протяжении последних десятилетий находится в положении трансформирующегося общества, общества переходного периода. И хотя в последние годы наметился путь к стабилизации в некоторых областях социальной жизни, но на уровне ценностей, установок, традиций, обычаев российское общество еще нельзя назвать стабильным и полностью сформировавшимся.

Адаптация — сложный системный феномен, который по устоявшемуся мнению претендует в последнее время на место интегративного для социальных наук конструкта. Действительно, умение адаптироваться, владеть разнообразными стратегиями адаптации является критерием выживаемости человечества. В настоящее время темп развития человечества все убыстряется, и только высокая способность к адаптации даст нам возможность справиться с этими темпами.

Адаптация мигрантов - это их приспособление к природным, социально-экономическим, этнографическим, демографическим и прочим условиям. Помимо адаптации приживаемость включает процесс обустройства мигранта на новом месте.

Кроме того, в работе был подробно рассмотрен процесс миграции, показана специфика протекания миграционных процессов в России, обусловленная как историческими предпосылками, так и сегодняшней политикой государства в отношении мигрантов.

Проанализирована и доказана специфика определенного сегмента мигрантов, а именно русскоязычных мигрантов из стран ближнего зарубежья. Кроме того, проблема адаптации русскоязычных мигрантов усугубляется степенью неподготовленности последних к самой возможности существования дистанции между ними и постоянным населением.

Основу миграции в Россию составляют представители стран постсоветского пространства. Главными мотиваторами для иностранных граждан традиционно являются возможности трудоустройства на территории

РФ, сравнительные большие оклады. При этом многие приезжающие принимают решение остаться в России. Однако их социализация далеко не всегда проходит спокойно.

Проведенное собственное эмпирическое исследование позволило выявить следующие особенности социальной адаптации русскоязычных мигрантов из Украины:

- преобладающими типами адаптации к новой социокультурной среде являются конформный, интерактивный, ностальгический типы.

- имеют повышенный уровень социальной фрустрированности, испытывают более высокое психическое напряжение, обусловленное неудовлетворенностью достижениями и положением личности в социально заданных иерархиях,

- уровень социального благополучия по шкалам «уровень жизни», «условия труда» находится в пределах среднего уровня, по шкале «статус, доход» - на уровне ниже среднего, по шкале «семейная обустроенность» - на высоком уровне. Показатель общего уровня социального благополучия русскоязычных мигрантов из Украины свидетельствует о среднем уровне.

Выявлены следующие особенности социальной адаптации русскоязычных мигрантов из Кыргызстана:

- преобладающими типами адаптации к новой социокультурной среде являются ностальгический, конформный, интерактивный типы.

- преобладающим уровнем в данной группе мигрантов является умеренный уровень социальной фрустрированности, т.е. большинство мигрантов в умеренной степени переживают психическое напряжение, связанное с неудовлетворенностью достижениями.

- социальное благополучие на более высоком уровне представлено по шкале «семейная обустроенность» и «уровень жизни», на среднем уровне – по шкале «статус, доход», в меньшей степени удовлетворены условиями своей трудовой деятельности. Показатель общего уровня социального благополучия русскоязычных мигрантов из Кыргызстана свидетельствует о среднем уровне.

В группе мигрантов из Украины в большей степени представлен конформный тип адаптации. Русскоязычные мигранты из Украины в большей степени принимают социальную среду и входят в эту среду. Русскоязычные мигранты из Кыргызстана в большей степени испытывают некоторое внутреннее расстройство и смятение.

Мигранты из Украины имеют более высокий уровень социальной фрустрированности, чем мигранты из Кыргызстана.

Проведение сравнительного анализа по шкале «уровень жизни» в двух группах русскоязычных мигрантов позволяет сделать вывод, что мигранты из Кыргызстана в большей степени удовлетворены уровнем жизни, своим социальным статусом по таким характеристикам, как уровень образования, занимаемая должность, престижность профессии и ежемесячный заработок.

Мигранты из Украины в большей степени удовлетворены в сфере трудовой занятости и условий труда: продолжительностью рабочего дня и отпуска, сверхурочными нагрузками, факторами, осложняющими работу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности.// Социальная психология в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000. 303 с.
2. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: 1992. 101 с.
3. Безюлева Г.В., Клименко Н.И., Шеламова Г.М. Социальная адаптация и профессиональная реабилитация мигрантов.// Профессиональное образование. Столица. 2006. № 2. С. 31–32.
4. Белкин. П.Г. О некоторых теоретических и методологических проблемах социальной адаптации // Философско-методологические аспекты гуманитарных наук. М.: Акт-пресс, 2001. с.277
5. Белова Н.А. Отношение россиян к трудовым мигрантам из стран СНГ.// Вестник Российской нации. 2014. № 6. С. 389 – 405.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности Трактат по социологии знания. М.:Моск. Филос. Фонд; Academia-ueiirp; Медиум, 1995.С.38
7. Бондарева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). М., 2007. С. 126
8. Бондырева С.К., Колесов Д.В. «Миграция (сущность и явление)», Москва - Воронеж, 2004. 118 с.
9. Борисюш Л.И. Основные технико-экономические факторы социальной адаптации молодых производственников // Социальное развитие и коммунистическое воспитание молодежи. Воронеж: Воронежского, унт-та, 1997. 93 с.
10. Вершинина Т.В. Производственная адаптация рабочих кадров // Социальн экономические проблемы труда на промышленном предприятии.— Новосибирск: Наука, 1979. С. 238 – 263.

11. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1997. 703 с.
12. Гриценко В.В. Влияние культурных различий на адаптацию русских переселенцев из стран ближнего зарубежья в России. // Психологический журнал, 2000. Т. 21. №1. С. 29–33.
13. Гриценко В.В. Роль индивидуальных различий в процессе адаптации вынужденных мигрантов. // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследовательской и практической работы. М. Смысл, 2001. 122с.
14. Динамика ценностей населения реформируемой России / Под ред. Лапина Н.И., Беляевой Л.А.; М.: Эудиториал УРСС, 1996. 273с.
15. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.; Демократизация и образы национализма РФ 90-х годов; М.: Мысль, 1996. 305с.
16. Жаворонкина В.А., Воробьева А.А. Социокультурная адаптация мигрантов из стран СНГ.// Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 5. С. 121–123.
17. Жуковская Ю.О. К вопросу о социальной адаптации трудовых мигрантов в российской среде. //Журнал социологии и социальной антропологии. СПб.:СПбТУ. 2009.179с.
18. Журнал для медленного чтения [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://vww\v.strana-oz.ru>. (дата обращения: 10.09.2017)
19. Зайончковская Ж.Д. Вынужденные мигранты из стран СНГ и Балтии.// Социологические исследования. 1998. № 6. С. 1–7.
20. Игнатова Ю.Е. Социальная адаптация трудовых мигрантов: понятие, сущность и стратегии.// Труды Академии управления МВД России. 2009. № 4. С. 113–117.
21. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: «Логос», 1996. 226с.
22. Кауфман А.А. «Переселение и колонизация», СПб. 1905. 16с.

23. Комаровский В.С. Некоторые проблемы измерения социальных установок // Вопросы Философии/, 1970. № 7. 24с.
24. Костин Р.Л. Миграция: современные проблемы Российской Федерации. СПб. 1997. 77с.
25. Крысько В.Г. «Социальная психология. Курс лекций», М., «ОМЕГА-Л», 2003. 138 с.
26. Культурология. XX век. // Энциклопедия/ под ред. СЛЛевита - СПб.: Университетская книга, 1998. 243 с.
27. Куренов В. Интервью с Зайоичковской Ж.А. // Отечественные записки. - Режим доступа: <http://\vw\v.strana-ozj-u>. (дата обращения: 05.10.2017)
28. Лакомова А.А. Социокультурные факторы, влияющие на социальную адаптацию мигрантов в России.// Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2015. № 32. С. 122–125.
29. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М.: Обществознание, 2016. 316 с.
30. Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М.: Мысль. 2007. 284 с.
31. Леденева В.Ю. Модели зарубежных систем социальной адаптации мигрантов.// Управление мегаполисом. 2012. № 6 (30). С. 23–29.
32. Леденева В.Ю. Формы и модели социальной адаптации и интеграции мигрантов.// Политика и общество. 2015. № 6. С. 717–728.
33. Лисицын П.П. Сравнительный анализ социальной адаптации легальных трудовых мигрантов из Вьетнама и Узбекистана в тсанкт-пстербурге: автореф. дне.... канд. социол. наук: 22.00.04. М. 2009. 290с.
34. Литвинова И.А. Социальные сети как ресурс адаптации русскоязычных мигрантов.// Сибирский философский журнал. 2009. № 4. С. 80–84.

35. Литвинова И.А. Социально-сетевые представления о русскоязычных мигрантах: аспект толерантности.// Философия образования. 2010. № 3. С. 35–41.
36. Маркарян Э.С, «Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М. Мысль, 1983. 98с.
37. Медведева М.О. Социальная адаптация мигрантов в зарубежных и отечественных исследованиях.// Экономика, социология и право. 2015. № 11. С. 79–84.
38. Меерсон Ф.З. Адаптация, стресс и профилактика—М.: Наука, 1991. 5 с.
39. Метелев И.С. Социальная адаптация человека-мигранта.// Казанская наука. 2017. № 8. С. 142.
40. Миграция и безопасность в России», Московский центр Карнеги, п/р Галины Витковской и Сергея Панарина, «Интердиалекте», М., 2010. 300с.
41. Миграция населения, вып.6, «Миграционная политика»,2006. 15с.
42. Микелли Л. Интервью журналу express. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rp.ru/2005/11/11/fwncinimmigrnty.htm>
43. Михайлова А.С. Социальная адаптация мигрантов как двусторонний процесс: социологический анализ.// Казанский социально-гуманитарный вестник. 2016. № 2. С. 17–22.
44. Назарчук У.Я. Тест двадцати ответов: какую идентичность мы измеряем?// Социальная идентификация личности/ под ред. Ядова В.А., М: ИСРАН. 2014. 173с.
45. Нето Ф.П.С., Пшенко К.А., Якушкина М.С. Социокультурная и правовая адаптация мигрантов как фактор стабилизации миграционных потоков в СНГ.// Человек и образование. 2011. № 2. С. 104–108.
46. Ольшанский Д.В. Адаптация социальная. М.: Политиздат, 1990. 210 с.
47. Орлова Э.Л. Категория «общественная практика» в исследовании культурны процессов. М.:Знание, 1985. 216 с.

48. Подпоринова Н.И. Социальная адаптация мигрантов к социокультурной среде региона Дне...канд. Социол. Наук: 22.00.06. — М.:РГБ,2005.13 с.
49. Проскурякова О.Л. Адаптация мигрантов как социальный процесс.// Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 4. С. 58–63.
50. Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследовательской и практической работы. М., Смысл, 2011. 114с.
51. Ромм М.В.Адаптация личности в социуме. Новосибирск, «Наука», 2010. 323с.
52. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ мифзций. М. 1993. С. 116–121.
53. Проскурякова О.Л. Адаптация мигрантов как социальный процесс.// Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 4. С. 58–63.
54. Рязанцев С.В. «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах.// Вестник Российского университета дружбы народов. 2017. № 1. С. 122–136.
55. Рязанцев С.В. Русскоязычные мигранты в юго-восточной азии// Социологические исследования. 2017. № 8. С. 66–72.
56. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов. // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследовательской и практической работы», М. Смысл, 2001. С.93–94.
57. Стефаненко Т.Г. Адаптация к новой культурной среде. - М.:Лигапресс. 2003. 415с.
58. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология.М., 1998. 292с.
59. Сулимин В.В. Стратегия межэтнического и социального взаимодействия, адаптация мигрантов в культурной среде принимающего социума.// Аграрный вестник Урала. 2012. № 3 (95). С. 85–87.

60. Супряга И.А., Халбаева А.М. Формирование политической культуры молодых русскоязычных мигрантов.// Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 10. С. 26–28.
61. Татунц С.А. Этносоциология. М., 1999. 59с.
62. Токарева В.А. Социальная адаптация и профессиональная реабилитация мигрантов.// Профессиональное образование. Столица. 2006. № 1. С. 31– 39.
63. Филипова Е.А. Адаптация русских вынужденных мигрантов из нового зарубежья. // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. № 10. С. 45-50.
64. Фролов С.С. Социология. М.: Общественная мысль, 1996. 320с.
65. Хамраева Е.А. Мы должны беречь мигрантов из стран СНГ.// На путях к новой школе. 2010. № 2. С. 17–20.
66. Цыбина Н.В. Технологии социальной работы с мигрантами: социальная адаптация.// Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 364–366.
67. Чудшовских О. Причины и последствия кризиса Российской миграционной статистики. // Отечественные записки. 2016. №7. С. 46–50.
68. Шамне Н.Л. Культурно-языковая и социальная адаптация мигрантов.// Власть. 2013. № 6. С. 044–047.
69. Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация в советском обществе - Красноярск, 1991. 103 с.
70. Южанин МЛ. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу. М.: Общество, 2007. 295 с.
71. Legacies: the story of the immigrant second generation / Alejandro Portes, Ruben G. Rumbaut. Berkeley: University of California Press ; New York : Russell Sage Foundation, 2001. xxiv, 406 p.
72. Mueller C.F. The economics of labor migration: a behavioral analysis. New York: Academic Press, 1992. 199p.

73. Oberg K. Culture shock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology, 2000, 7. p. 177–182.